

№ 2.
1952.

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР

СПбГУ

2

1 9 5 2

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1952

№ 2

Февраль

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

**1. ОБВИНЕНИЕ В СОУЧАСТИИ В ПРИСВОЕНИИ ОТВЕРГНУТО,
КАК ОСНОВАННОЕ НА ПРОТИВОРЕЧИВЫХ ПОКАЗАНИЯХ СООБВИНЯЕМОГО,
ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО В ИСХОДЕ ДЕЛА, НА ПОКАЗАНИЯХ СВИДЕТЕЛЕЙ,
ВЫСКАЗАННЫХ В ФОРМЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЙ, И НА ЗАКЛЮЧЕНИИ
ЭКСПЕРТИЗЫ, ВЫШЕДШЕЙ ЗА ПРЕДЕЛЫ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ**

*Дело Колесникова. Постановление Пленума
от 7 декабря 1951 г.*

По приговору линейного суда Омской ж. д., оставленному в силе определением Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР, бывший старший бухгалтер 8-й дистанции пути Колесников был осужден по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы без поражения в правах, со взысканием солидарно с другими осужденными 21 668 руб.

Колесников признан виновным в том, что он, войдя в преступную связь с кассиром Бондаревым, также осужденным по делу, за период ноябрь 1946 года — март 1947 года из бухгалтерских документов, принятых и списанных с кассы, изымал оплаченные счета и ведомости, пере-

давал их кассиру Бондареву и последний ими вторично отчитывался. Всего Бондарев совместно с Колесниковым присвоил и растратил 21 668 руб.

По данному делу Генеральный Прокурор СССР внес в Пленум Верховного суда СССР протест, который подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, Колесников, обрабатывая в апреле 1947 года кассовый отчет, обнаружил, что кассир Бондарев платежную ведомость № 210 на сумму 412 руб. провел дважды. Об этом он доложил главному бухгалтеру Литвинову, бывшему главному бухгалтеру Манько и поставил эту сумму

в наче́т Бондареву. Этот факт послужил поводом к проверке всей деятельности Бондарева, Литвинов и Колесников 12 и 14 апреля 1947 г. проверили кассовые отчеты Бондарева за 1946—1947 гг. и установили, что он путем представления одних и тех же платежных документов дважды изъял из кассы 21 668 руб.

Обвинение Колесникова в том, что он эту сумму присвоил совместно с Бондаревым, основано на оговоре его Бондаревым и на предположениях, высказанных Литвиновым, Рябко и Плавским, которые в данном деле выступали: Литвинов — вначале ревизором, затем экспертом и впоследствии — свидетелем, Плавский и Рябко — экспертами, а затем свидетелями.

В акте экспертизы Литвинов, Рябко и Плавский, выходя за пределы компетенции экспертов, констатировали, что «прямым виновником в присвоении денежных средств в сумме 21 667 р. 34 к. считать бывшего кассира Бондарева. Пособником допущения хищения денежных средств считать главного бухгалтера Манько и старшего бухгалтера Колесникова».

Когда Литвинов, Рябко и Плавский были допрошены в качестве свидетелей, они дали показания, основанные на умозаключениях; Литвинов показал, что «кассир делать такие операции один не мог, это дело не минуло рук старшего бухгалтера»; Рябко, что «кассир мошенничать без посторонней помощи никак не мог, так как документы хранились у бухгалтеров»; Плавский, что «Бондарев сам брать деньги не мог, а ему способствовали те лица, которые принимали отчеты».

Таким образом, из показаний Литвинова, назначенного главным бухгалтером 8-й дистанции пути, Рябко и Плавского, не работавших на этой дистанции, вовсе нельзя прийти к выводу, что им что-либо известно о том, что Колесников оказывал помощь Бондареву в расхищении

средств, а затем от него получал половину похищенного.

Сам Бондарев неоднократно менял свои показания.

Еще до возбуждения дела, а именно 15 апреля 1947 г., Бондарев, давая объяснение начальнику дистанции пути Глебову, ничего о Колесникове не писал, 16 апреля 1947 г. он, давая обязательство, пишет, что 11 000 руб. должен внести Колесников, с которым он делил похищенное; в объяснении экспертной комиссии 9 сентября 1947 г. Бондарев пишет, что организовал хищение денег Колесников; на допросе его следователем 23 сентября 1947 г. Бондарев показал, что 21 688 руб. он растратил один, а старший бухгалтер Колесников и главный бухгалтер Манько об этом ничего не знали.

На вопрос следователя, чем объяснить противоречие в его показаниях в отношении Колесникова, Бондарев ответил, что на Колесникова он показал ложно, так как считал, что с уменьшением суммы растраты будет уменьшена его, Бондарева, ответственность.

В судебном заседании при первом рассмотрении дела Бондарев показал, что он сам присвоил 21 668 руб. и ничего Колесникову не давал.

На вопрос суда, почему он в объяснении писал, что 11 000 руб. отдал Колесникову, Бондарев ответил, что он об этом написал по настоянию третьих лиц.

Свидетель Литвинов на суде подтвердил, что при разговоре с ним Бондарев заявил, что он деньги присвоил и пропил.

В ходе допроса Литвинова суд снова обратился к Бондареву с вопросом о Колесникове, причем Бондарев вновь подтвердил, что деньги взял сам и денег Колесникову не давал.

После всех этих показаний Бондарев в том же судебном заседании вновь стал утверждать, что он 11 000 руб. дал Колесникову.

Колесников как на предварительном следствии, так и на суде кате-

горически отрицал получение денег от Бондарева, но подтвердил объяснения Бондарева о том, что Колесников просил, чтобы он его не путал в это дело.

На основе этих показаний суд вынес определение о привлечении Колесникова к ответственности по ч. 2 ст. 116 УК РСФСР.

При вторичном судебном рассмотрении дела Бондарев показал, что 11 000 руб. дал Колесникову, причем если он в первом судебном заседании показывал, что Колесникову он дал в ноябре 1946 года 2000 руб., в декабре того же года 4000 руб. и в январе 1947 года 5000 руб., то при вторичном рассмотрении дела он изменил эти показания и объявил, что в декабре 1946 года он Колесникову дал не 4000, а 6000 руб., в январе 1947 года не 5000, а 3000 руб. и добавил, что Колесников еще у него брал мелкие суммы без учета.

Из приведенного видно, что Бондарев давал разноречивые показания, которые не могут быть положены в основу обвинения Колесникова.

Версия, выдвинутая свидетелем Литвиновым, что Колесников и Бондарев согласились погасить сумму в 21 000 руб., подтверждения в других материалах дела не находит. Обязательства Колесникова в материалах дела нет, а имеется лишь обязательство Бондарева, никто больше об обязательстве Колесникова погасить половину похищенной суммы ни на предварительном следствии, ни в суде не показывал.

Таким образом, следует признать, что по делу не собрано достаточных доказательств вины Колесникова в присвоении денег, так как показания Бондарева противоречивы, причем это показания лица, заинтересованного в исходе дела, показания Литвинова, Рябко и Плавского построены на предположениях, а факт просьбы Колесникова «не путать его в это дело» сам по себе не может быть расценен как доказательство, что Бондарев похищал деньги совместно с Колесниковым.

Вина Колесникова состоит в том, что он разрешал подшивку уже оплаченных документов кассиру Бондареву, а также в том, что при принятии кассовых отчетов он по своей преступной халатности не проверил приложенные к ним платежные документы, чем воспользовался Бондарев в своих преступных целях. Эти действия Колесникова должны быть квалифицированы по ст. 111 УК РСФСР.

Ввиду всего изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Переквалифицировать действия Колесникова с ч. 2 ст. 116 на ст. 111 УК РСФСР, определить ему наказание в три года лишения свободы без поражения в правах, а за отбытием этого срока Колесникова из-под стражи освободить. Солидарную ответственность Колесникова по взысканию материального ущерба из приговора исключить.

2. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕВЫЯСНЕННОСТИ РЯДА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ

Дело Диденко и Орехова. Постановление Пленума от 7 декабря 1951 г.

По приговору, оставленному в силе определением вышестоящего суда, Диденко и Орехов были осуждены по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР.

Приговором по настоящему делу установлено, что 1 мая 1950 г. в 13 ч. 40 м. Диденко и Орехов ушли

из дома в столовую № 5 Торготдела, где напились пьяными. При выходе из столовой они встретили 56-летнего Цевелева, который пытался первым выйти из столовой и взял Орехова за плечо. В ответ на это Орехов и Диденко набросились из

хулиганских побуждений на Цевелева, нанесли ему побои и вытолкнули в коридор, где Цевелев упал и потерял сознание. После этого Диденко и Орехов возвратились в столовую, откуда вместе со своими двумя знакомыми Фоминым и Смоляковым направилась домой, куда прибыли в начале 15 часа.

Как видно далее из материалов дела, Цевелев был доставлен к себе на квартиру, куда вскоре прибыл фельдшер скорой помощи, который оказал Цевелеву медицинскую помощь, однако Цевелев через несколько минут умер. Смерть Цевелева по приговору осужденным не вменяется.

По данному делу Генеральный Прокурор СССР внес протест в Коллегию Верховного суда СССР, определением которой протест был отклонен.

В связи с этим Генеральный Прокурор СССР внес аналогичный протест в Пленум Верховного суда СССР. В протесте указывается, что по делу не установлено причинной связи между побоями, нанесенными Цевелеву осужденными, и его смертью, которая последовала от паралича болезненно измененного сердца и наступлению которой способствовало его нетрезвое состояние; никаких повреждений на теле Цевелева, которые могли бы вызвать его смерть или способствовать ей, не обнаружено. При этих условиях нанесение осужденными легких побоев Цевелеву из хулиганских побуждений не давало оснований квалифицировать их по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР, а их действия подпадают под признаки части первой этой статьи.

Обсудив протест, Пленум находит правильными содержащиеся как в приговоре, так и протесте указания об отсутствии причинной связи между фактом нанесения побоев Цевелеву и его смертью. В протесте также правильно указывается, что нанесение легких побоев Цевелеву не давало оснований для применения ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Вместе с тем

Пленум находит, что приговор в отношении Диденко и Орехова не может быть признан обоснованным ввиду наличия ряда невыясненных обстоятельств.

Как видно из дела, осужденные Диденко и Орехов, не отрицая факта посещения ими столовой, вместе с тем категорически утверждали, что побоев Цевелеву они не нанесли. Обвинение их в хулиганстве основано на показаниях свидетелей, из которых некоторые не были очевидцами избиения Цевелева и подтвердили лишь факт пребывания Диденко и Орехова в столовой, а некоторые, являющиеся очевидцами избиения, показали, что они не могут с достоверностью опознать осужденных, как именно тех лиц, которые наносили побои Цевелеву.

К своей кассационной жалобе защитник осужденных приложил официальную справку станции скорой помощи, в которой указал, что вызов к больному Цевелеву поступил в 12 ч. 20 м., тогда как приговором констатируется, что Диденко и Орехов ушли из дома значительно позже, а именно в 13 ч. 40 м. На этом основании защитник обоснованно ставил вопрос об алиби осужденных в момент избиения Цевелева.

Из дела далее видно, что кассационная жалоба и приложенные к ней справки вместе с делом были направлены прокурору, который по поводу справки провел ряд следственных действий и представил в кассационную инстанцию заключение, в котором утверждал, что справка не соответствует действительности.

Таким образом, по делу, по которому был вынесен приговор, до рассмотрения дела в кассационном порядке был проведен ряд следственных действий, повлиявших на оценку судом второй инстанции доказательств по делу, чем грубо нарушен закон. Статья 15 Закона о судостроительстве, хотя и предоставляет право сторонам представлять в кассационную инстанцию дополнительные материалы, однако нигде в за-

коне не сказано, что по поводу этих материалов до отмены приговора могут производиться те или иные следственные действия.

По смыслу ст. ст. 413, 414 и 436 УПК РСФСР всякое дополнительное расследование по делу, по которому вынесен приговор, может последовать только после отмены приговора в установленном законом порядке, за исключением случаев возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. ст. 377 и 466 УПК РСФСР).

Ввиду изложенного и учитывая,

что все указанные обстоятельства возбуждают сомнение в обоснованности приговора, что дополнительное расследование за давностью события не может дать эффективного результата, а собранные по делу доказательства не являются достаточными для признания обвинения доказанным, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор и последующие определения по делу Диденко и Орехова отменить и дело о них за недоказанностью обвинения в уголовном порядке прекратить.

3. РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСА О ПРИМЕНЕНИИ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СОСТОЯНИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ, ДОЛЖНО ПРОИЗВОДИТЬСЯ НЕ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ, А В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Дело В. Постановление Пленума от 16 ноября 1951 г.

Определением подготовительного заседания Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР дело В., привлеченного к уголовной ответственности, было на основании ст. 11 УК РСФСР, ввиду невменяемости обвиняемого, производством прекращено с освобождением В. из-под стражи и направлением на принудительное лечение в соединении с изоляцией.

Считая неправильным указанное определение в части освобождения из-под стражи, Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, определением которой протест был отклонен. Коллегия при этом указала, что суд правильно прекратил дело в соответствии со ст. 322 УПК РСФСР и определил о направлении В. на принудительное лечение в соединении с изоляцией, а исполнение определения в этой части должно производиться на основании п. 9 соответствующей инструкции, утвержденной Министерством здравоохранения СССР, Министерством юстиции СССР, Министерством внутренних дел СССР и Генеральным Прокурором СССР.

В связи с отклонением протеста Коллегией Генеральный Прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного суда СССР. В протесте указывается, что суд неправильно рассмотрел дело в подготовительном заседании и, признав В. подлежащим направлению на принудительное лечение в соединении с изоляцией, неправильно определил об освобождении его из-под стражи.

Рассмотрев протест, Пленум находит, что вынесенные по делу определения подлежат отмене по следующим основаниям:

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР неправильно рассмотрела дело в подготовительном заседании, в функции которого не входит рассмотрение вопроса о применении мер медицинского характера в отношении лица, совершившего преступление в состоянии невменяемости. Статья 27 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, ст. ст. 236, 238, 332 и др. УПК РСФСР, определяя круг вопросов, разрешаемых в подготовительном заседании, не относят к ним разрешение указанного вопроса; равным образом он не содержится и

в перечне функций подготовительного заседания, указанном в постановлении 54-го Пленума Верховного суда СССР от 29 марта 1936 г.

Независимо от указанного, вопрос о применении мер медицинского характера мог рассматриваться только в судебном заседании также и потому, что разрешение этого вопроса связано с необходимостью установления, действительно ли совершены невменяемым те или иные общественно-опасные действия, и степени опасности невменяемого для общества, в зависимости от которой подлежит применению та или иная мера медицинского характера.

В связи с этим необходимость рассмотрения этих вопросов в судебном заседании и вынесение определения по этим вопросам в судебном, а не подготовительном заседании, предусмотрена и п. 5 инструкции, утвержденной 25 марта 1948 г. Министром здравоохранения СССР, Министром юстиции СССР, Министром внутренних дел СССР и Генеральным Прокурором СССР.

Неосновательна также ссылка Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР на п. 9

названной инструкции в опровержение доводов протеста о неправильности определения Верховного суда Литовской ССР в части освобождения В. из-под стражи. Поскольку этим определением к В. применена мера медицинского характера в виде принудительного лечения, соединенного с изоляцией, суд, прекращая дело в уголовном порядке, не должен постановлять об освобождении невменяемого из-под стражи, а в соответствии с п. 9 названной инструкции направляет определение для его исполнения по месту предварительного заключения лица, признанного невменяемым.

По всем изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение подготовительного заседания Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу В. отменить и дело передать Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР для рассмотрения в ином составе в судебном заседании.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ В СЛУЧАЯХ, КОГДА УМЫСЕЛ НАПРАВЛЕН НА ПРИСВОЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, ДОЛЖНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ КАК ХИЩЕНИЕ

*Дело Саркисова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 6 декабря 1951 г.*

По приговору народного суда Закавказского района Азербайджанской ССР в числе других осужден Саркисов по ст. 143 УК Азербайджанской ССР (соответствует ст. 109 УК РСФСР).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Протест Генеральным Прокурором СССР принесен на предмет отмены приговора и определения и направления дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Саркисов признан виновным в том, что он, работая в 1947—1948 годах главным бухгалтером Закавказской районной конторы «Заготскот», присвоил 10 797 руб., из которых после ревизии внес в погашение своей задолженности 3284 руб.

Приговор и определение в отношении Саркисова подлежат отмене, а дело направлению на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по следующим основаниям:

Саркисов, не отрицая присвоения 10 797 руб., объяснил, что он рас-

ходовал эти деньги на личные нужды.

Актом ревизии установлено, что Саркисов не только не погашал взятые в подотчет деньги, но и завуалировал свою задолженность по учету.

Присвоение Саркисовым 10 797 руб. подтвердил на суде управляющий Закавказской конторой «Заготскот» Михаилев.

При наличии доказательств систематического и в крупных размерах присвоения государственных средств Саркисовым надлежало предъявить ему обвинение не в злоупотреблении служебным положением, а квалифицировать его действия по ст. 2. Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Закавказского района Азербайджанской ССР и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Азербайджанской ССР отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

2. ОТМЕНА ПРИГОВОРА, КАК ОСНОВАННОГО ТОЛЬКО НА ПОКАЗАНИЯХ ДРУГОГО ПОДСУДИМОГО, ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО В ИСХОДЕ ДЕЛА

Дело Авербуха и Гутова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 октября 1951 г.

По приговору народного суда Ипподромского района, Новосибирской области, Авербух и Гутов осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приговором определено взыскать с Гутова и Авербуха солидарно 5900 руб. в пользу Новосибирского строительного-монтажного управления № 3.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора и определения в отношении Авербуха и прекращения дела о нем за недоказанностью предъявленного обвинения и изменения приговора и определения в отношении Гутова с переквалификацией его действий на ст. 1 того же Указа, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Авербух и Гутов признаны виновными в том, что Гутов, работая главным бухгалтером Строительного монтажного управления, а Авербух — помощником начальника того же Управления, в мае 1949 года реализовали 5 выбракованных лошадей частным лицам за 10 843 руб., из которых Гутов с ведома Авербуха оприходовал в кассу 4943 руб., т. е. только балансовую стоимость этих 5 лошадей, а остальную сумму 5900 руб. совместно присвоили.

Приговор и последующее определение в отношении Авербуха подлежат отмене, а в отношении Гутова — изменению по следующим основаниям:

Приговор суда в отношении Авербуха основан лишь на противоречивых показаниях осужденного Гутова.

Авербух на предварительном следствии и на двух судебных заседаниях категорически отрицал какое-либо участие в присвоении 5900 руб. и получение этих денег от Гутова.

Гутов на предварительном следствии и на двух судебных заседаниях по вопросу о получении денег с покупателей лошадей, об оприходовании полученных денег, а также куда израсходованы им неоприходованные 5900 руб. давал противоречивые показания.

При первом допросе Гутов вообще отрицал получение им денег от покупателей лошадей и заявил, что покупатели сдавали деньги непосредственно кассиру Миланиной.

В то же время покупатели лошадей Аксенов, Суходаев, Ведерников и другие показали, что деньги за купленных ими лошадей они передавали непосредственно Гутову и от Гутова получали распоряжения на конный двор о выдаче им лошадей.

После очных ставок со свидетелями Гутов изменил свои первые показания и признал, что деньги действительно от покупателей лошадей он получил, но по распоряжению начальника управления Шереф заприходовал лишь балансовую стоимость лошадей, а 5900 руб. передал Авербуху для покупки запасных частей.

Допрошенный по данному поводу начальник управления Шереф как на предварительном следствии, так и в судебном заседании отрицал показания Гутова.

Гутов на первом судебном заседании вновь изменил свои показания и отрицал получение вообще денег от покупателей, а также и передачу 5900 руб. Авербуху, заявив, что Авербуха он оговорил.

При вторичном рассмотрении дела в суде Гутов снова изменил свои показания, объясняя, что деньги с покупателей он получил полностью, балансовую стоимость внес в кассу,

а 5900 руб. передал Авербуху на покупку запасных частей.

Кроме указанных выше противоречивых показаний Гугова, никаких иных доказательств участия Авербуха в присвоении 5900 руб. органами предварительного следствия и судом не добыто.

Ссылка в приговоре на показания свидетелей Аксенова, Ведерникова, Суходаева как на доказательство виновности Авербуха является несостоятельной, так как ни один из этих свидетелей не показал, что деньги передавал Авербуху, а, наоборот, свидетель Аксенов показал, что когда он хотел уплатить деньги Авербуху, то последний деньги от него не принял, а направил его к бухгалтеру Гугову.

Кроме того, свидетели Аксенов и Суходаев показали, что Гувов длительное время не давал им справок об уплате денег за лошадей, затем договаривался с ними о выдаче справок с указанием меньшей суммы, чем фактически уплачено, и в конечном итоге выдал справки без указания сумм, уплаченных за лошадей.

При этих обстоятельствах оценка судом показаний Гугова в части виновности Авербуха произведена вопреки требованиям ст. 319 УПК РСФСР, в противоречии со всеми обстоятельствами дела в их совокупности, и приговор в отношении Авербуха подлежит отмене, а дело прекращению за недоказанностью предъявленного ему обвинения.

Поскольку надлежит считать доказанным, что 5900 руб. присвоены Гуговым без участия Авербуха, действия Гугова надлежит квалифицировать по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда Ипподромского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского облсуда в отношении Авербуха отменить и дело за недоказанностью предъявленного ему обвинения дальнейшим производством прекратить.

Приговор и определение в отношении Гугова изменить: действия его со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» переqualифицировать на ст. 1 того же Указа от 4 июня 1947 г., оставив меру наказания, назначенную судом.

Исключить из приговора взыскание с Авербуха и Гугова солидарно 5900 руб. в пользу Новосибирского строительного-монтажного управления, предоставив право этому управлению предъявить в порядке гражданского судопроизводства иск непосредственно к осужденному Гугову.

3. ЕСЛИ ПО ДЕЛУ НЕ ИССЛЕДОВАНЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИМЕЮЩИЕ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ, И ПРОБЕЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ НЕ ВОСПОЛНИМЫ В СУДЕ, ДЕЛО ПОДЛЕЖИТ ПЕРЕДАЧЕ НА ДОСЛЕДОВАНИЕ

*Дело Афанасьева и Трусявичуса.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 13 октября 1951 г.*

По приговору народного суда 3-го участка Дзержинского района г. Вильнюса Литовской ССР Афанасьев осужден по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной

ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Этим же приговором Трусявичус осужден по ст. 111 УК РСФСР.

Определением Вильнюсского обла-

стного суда приговор оставлен в силе.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР отклонен протест Председателя Верховного суда Литовской ССР о передаче дела на исследование.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора народного суда и определений вышестоящих судов в отношении Афанасьева и Трусявичуса с передачей дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Афанасьев признан виновным в том, что, работая заведующим магазином № 48 Вильнюсского Горпромторга, получил с базы на 527,4 м мануфактуры «кашемир» больше, чем было выписано по накладной магазину, и эту ткань присвоил.

Заведующий текстильной секцией базы Горпромторга Трусявичус признан виновным в том, что он халатно относился к своим служебным обязанностям, в результате чего отпустил Афанасьеву 586 м кашемира в одной кипе, в то время как по накладной было выписано 58,6 м, и этим создал возможность присвоить излишне выданную мануфактуру.

Приговор народного суда, а также определения Вильнюсского областного суда и Верховного суда Литовской ССР подлежат отмене по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что по распоряжению директора Вильнюсского Горпромторга Томашевского Афанасьев должен был получить на 110 000 руб. товаров с базы Горпромторга.

В назначенное время Афанасьев явился на базу и вместе с Трусявичусом отобрал часть товаров на сумму около 79 000 руб. и затем Афанасьев получил этот товар по выписанной бухгалтером базы Меламедом накладной № 363. В этой накладной № 363 среди других това-

ров было выписано и 2 места мануфактуры: кашемира 574,2 м и 58,6 м по цене 9 р. 75 к. за метр. Всего было выписано 14 наименований разной мануфактуры на сумму 79 464 р. 35 к.

Спустя два месяца после выдачи товаров Афанасьеву Трусявичус заявил директору Промторга и другим лицам, что он передал Афанасьеву 527,4 м кашемира и что в накладной № 363 ошибочно написано 58,6 м вместо 586 м кашемира. Трусявичус обращался к Афанасьеву, который уже в магазине не работал, и требовал от последнего уплатить за якобы излишне полученную мануфактуру. В результате заявления Трусявичуса и возникло уголовное дело.

Несмотря на то, что Афанасьев все время отрицал получение излишнего кашемира, а также вопреки тому, что в деле есть документы — накладная № 363 с подписями Трусявичуса и Афанасьева о выдаче и получении товаров, в которой написано, что отпущено кашемира 58,6 м, суд признал Афанасьева виновным в присвоении 527,4 м кашемира.

Приговор народного суда, а в дальнейшем и определения вышестоящих судов в основном мотивированы предположениями и показаниями подсудимого Трусявичуса и сотрудников базы — бухгалтеров Меламеда, Вишневской и Ароновой.

Никаких конкретных данных о том, что Афанасьев действительно получил излишнее количество кашемира и его присвоил, по делу не собрано. Суд поверил всему, что показал заинтересованный в исходе дела подсудимый Трусявичус, а объяснения Афанасьева суд нашел вымышленными и не заслуживающими доверия. В то же время показания Трусявичуса противоречат показаниям свидетелей и вызывают сомнения в их правдивости.

В своем письменном заявлении, адресованном Прокуратуре, Трусявичус указывал, что, сверяя в конце мая свою картотеку с бухгалтером Меламедом, он обнаружил в на-

кладной № 363 ошибку в метраже стпущенного кашемира, после этого он ходил к Афанасьеву сам и вместе с Меламедом и что Афанасьев обещал отдать деньги за переполученную мануфактуру, но только просил написать новую накладную на 527,4 м кашемира, что он якобы и сделал, выписав накладную на имя нового заведующего магазином Бражунаса. Далее он указал, что Афанасьев якобы в конторе базы дал ему 1900 руб., что видела бухгалтер Вишневская и что в присутствии главного бухгалтера Заманского Афанасьев обещал уплатить остальные деньги за кашемир через месяц.

Подсудимый Афанасьев все время решительно отрицал показания Трусявичуса. Допрошенный же по делу свидетель Заманский показал, что о передаче Афанасьевым Трусявичусу 1900 руб. и о том, что тот обещал отдать и остальные деньги за кашемир, он знает только со слов Трусявичуса, а сам этого не видел и таких разговоров не слышал. Заманский показал, что по просьбе Трусявичуса он вызывал к себе Афанасьева для объяснения, но тот категорически отрицал получение излишнего кашемира и по этому поводу спорил с Трусявичусом.

Свидетельница Вишневская показала, что она якобы видела, как Афанасьев передавал деньги Трусявичусу. Но ее показания противоречивые, и она их меняла. На предварительном следствии Вишневская показала, что видела обвиняемых в коридоре конторы базы, как они оба держали в руках деньги сотнями, и что Афанасьев, передавая деньги, считал: «14, 15, 16...». Она прошла мимо них в свою комнату и продолжала работать. Через 5—10 минут в комнату вошел Трусявичус и в присутствии ее и старшего бухгалтера Кошкаровой передал бухгалтеру Меламеду 1900 руб. и сказал, что эти деньги отдал ему Афанасьев.

На очной ставке Вишневская дала уже несколько другие показания. На суде она показала, что, проходя через комнату (а не в коридоре)

видела, как Афанасьев передавал деньги, причем считал их Трусявичус, а не Афанасьев. Увидев это, она сразу вошла в бухгалтерию и сказала девушке, что Афанасьев передает Трусявичусу деньги. Вслед за ней (а не спустя 5—10 минут) зашел сам Трусявичус и при всех громко сказал, что якобы Афанасьев передал ему 1900 руб., а 100 руб. оставил себе на водку.

Причины противоречий в показаниях Вишневской не выяснены судом.

Свидетели Меламед и Аронова являются бухгалтерами базы, работали вместе с Трусявичусом, и они ответственны за ошибки в накладных, поэтому они являются заинтересованными лицами в обвинении Афанасьева.

Меламед и Аронова в своих показаниях утверждают, что отборную накладную с базы в бухгалтерию принес сам Афанасьев, в которой совсем ясно была написана цифра 586, и что написать в накладную № 363 количество кашемира 58,6 м подсказал якобы Афанасьев. Но Афанасьев категорически это отрицал и указывал, что за товарами он приходил на следующий день и в бухгалтерии от Меламеда получил уже готовую накладную, выписанную в его отсутствие.

Как судом, так и следственными органами, кроме вышеуказанного, не выяснен еще целый ряд обстоятельств по делу, и вынести обвинительный приговор в отношении Афанасьева по Указу от 4 июня 1947 г. не было достаточного основания.

Следственным органам следует установить следующее:

Если будет установлено, что Трусявичус действительно по ошибке передал 527,4 м кашемира, то требуется выяснить, кто же эту мануфактуру похитил и куда она девалась. Утверждение суда, что Афанасьев имел возможность эту мануфактуру присвоить и что он это сделал, не основано на материалах дела.

Показаниями свидетелей Раткевича, Сухоржевской, Барабановой, Яковлева, Гришкевича и других установлено, что полученный на базе товар весь был доставлен в магазин, что из кладовки или магазина Афанасьев никакого материала не выносил, сам за прилавком не торговал, из кассы никогда денег не брал. Вынести мануфактуру из магазина в нерабочее время у Афанасьева не было возможности, ибо каждый раз ключи от магазина находились у Афанасьева, а пломбир у одного из продавцов.

Суд указывает, что уничтожение Афанасьевым части кассовых чеков уличает его в преступлении, ибо при наличии этих чеков можно было бы установить, сколько было продано кашемира. Однако это обстоятельство не было достаточно выяснено.

Свидетель Бражунас, который принимал от Афанасьева магазин, показал, что последний при нем сжигал часть чеков, но он не знает, какие это были чеки, старые или последнего месяца. Из выписки приказа № 26 по Вильнюсскому Горпромторгу видно, что при продаже товаров выписывались чеки в двух экземплярах. Поэтому надо выяснить, где находятся вторые экземпляры чеков, и по ним установить, какой товар и сколько его было продано из магазина за период, в который могло быть совершено хищение кашемира.

Материалами дела установлено, что по выписанным чекам деньги от покупателей были получены в кассе. По словам кассира, деньги каждый вечер передавались инкассатору и вносились в Госбанк. Если же допустить, что в магазин было получено больше кашемира, чем значится по накладной, то непонятно, как мог один Афанасьев присвоить вырученные деньги за этот кашемир без помощи других.

Надо также уточнить, имел ли право Афанасьев уничтожать старые кассовые чеки.

Трусявичус вначале утверждал, что при выдаче товаров он не заме-

тил, что в накладной написано 58,6 м кашемира, и выдал полную кипу 586 м и что якобы он выдавал товар по кипным картам, а не по накладной. Но далее было установлено, что товары Афанасьеву он выдавал по накладной и в ней делал отметки, а также сверял по кипным картам. Это подтвердила работница базы Смирнова и позже признал сам Трусявичус. Поэтому не ясно, как он мог не заметить, что в накладной № 363 написано 58,6 м кашемира, а не 586 м.

Вопрос о том, сколько же по пункту 5-му накладной было отпущено Афанасьеву кашемира, так и остался невыясненным. То обстоятельство, что товар Афанасьеву отпущался с 3-го этажа (где якобы находились только полные кипы мануфактуры), не лишало возможности Трусявичуса выдать неполную кипу, поскольку он сам на суде признал, что в то время на базе была мануфактура и в распакованном виде. Свидетель Радкевич также показал, что Афанасьев привозил в магазин кашемир и кипами и кусками.

Следственными органами и судом были оставлены без должного внимания и такие обстоятельства: почему Трусявичус эту «ошибку» в накладной заметил только после двух месяцев и только перед инвентаризацией его секции тем более, когда установлено, что он каждый месяц сверял свои документы.

Если Трусявичус ошибочно передал только 527,4 м кашемира, то и недостача должна быть лишь на сумму 5142 р. 15 к. Но актом ревизии у него была установлена недостача на сумму 11 817 р. 45 к. и еще излишек на 7187 р. 46 к.

Подсудимый Афанасьев указывает, что с Томашевским у него были неприязненные отношения и что он мог создать это дело.

Далее Афанасьев указывает, что в момент скрытия недостачи Трусявичус выдал заведующему магазином Бражунасу накладную на 527,4 м кашемира (чего они не отрицают), что был также составлен

акт о завышенных ценах у Трусявичуса, но все эти обстоятельства остались не выясненными и указанные документы к делу не приобщены. Свидетель Бражунас показал, что Трусявичус ему выдал одну лишнюю кипу товара, которую он якобы на-завтра вернул. Однако это обстоятельство не было проверено.

Следует также уточнить, когда и каким транспортом был доставлен товар с базы в магазин, учитывая противоречивость данных дела по этому вопросу. Свидетель Гришкевич показал, что товар он привез на повозке, а Афанасьев говорит, что товар ему привез в автомашине Яковлев. Свидетель Яковлев подтвердил, что в конце марта он возил Афанасьеву товар с базы в магазин.

Признавая Афанасьева виновным в хищении государственного имуще-

ства, народный суд в приговоре не указал ни места, ни времени, ни способа совершения преступления, чем допустил нарушение ст. 334 УПК РСФСР, а также постановления Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1950 г. «О судебном приговоре». Поэтому как приговор, так и оставившие его в силе определения вышестоящих судов не могут быть оставлены в силе.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 3-го участка Дзержинского района г. Вильнюса, определение Вильнюсского областного суда и определение Верховного суда Литовской ССР в отношении осужденных Афанасьева и Трусявичуса отменить и дело направить на доследование.

4. СОУЧАСТИЕ ПРЕПОЛАГАЕТ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ СОУЧАСТНИКА О ПРЕСТУПНОМ ХАРАКТЕРЕ ДЕЙСТВИЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ, КОТОРОМУ ОН ОКАЗЫВАЕТ СОДЕЙСТВИЕ

*Дело Нижегородцева. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 24 ноября 1951 г.*

[Извлечение]

По приговору Верховного суда Таджикской ССР Нижегородцев в числе других был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Нижегородцев признан виновным в том, что, работая в должности управляющего отделением Госбанка и находясь в дружественных отношениях с работником Госбанка Астафьевым, также осужденным по данному делу, способствовал ему расхищать государственные средства. Нижегородцев заверил несколько фиктивных справок об остатках денежных средств по переводным операциям, в результате чего Астафьев похитил крупную сумму денег.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР нашла, что приговор подлежит изменению по следующим основаниям:

Обвинение Нижегородцева о том, что он содействовал Астафьеву расхищать крупные суммы денег, основано только на том факте, что он заверял фиктивные справки, представляемые Астафьевым. Других же данных, уличающих Нижегородцева в соучастии с Астафьевым в расхищении государственных средств, по делу не добыто.

Нижегородцев показал, что он не знал о фиктивности подписываемых им документов. Осужденный Астафьев это обстоятельство подтвердил, указав, что Нижегородцеву не было известно о фиктивности со-

ставляемых им, Астафьевым, документов.

Никто из других осужденных и свидетелей не показали, что Нижегородцев знал о фиктивности документов, тем более, что оформление этих документов производилось бухгалтером и контролировалось главным бухгалтером. Не установлена по делу и корыстная либо иная личная заинтересованность Нижегородцева в подписании документов, представляемых Астафьевым. Хотя в судебном заседании было выяснено, что Нижегородцев находился в приятельских отношениях с Астафьевым, однако преступной связи Ни-

жегородцева с Астафьевым не установлено.

При наличии указанных данных у суда не было достаточных оснований для признания Нижегородцева виновным в соучастии в преступлении, совершенном Астафьевым.

Исходя из обстоятельств дела, следует признать, что Нижегородцев допустил халатность при исполнении своих служебных обязанностей, выразившуюся в том, что представляемые ему Астафьевым документы подписывал без должной проверки. Поэтому Нижегородцев должен нести ответственность по ч. 1 ст. 135 УК Таджикской ССР (халатность).

**5. ПРИГОВОР, ВЫНЕСЕННЫЙ С НАРУШЕНИЕМ ст. ст. 311 и 334 УПК
В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННО ПРОВЕДЕННОГО
СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПОДЛЕЖИТ ОТМЕНЕ С НАПРАВЛЕНИЕМ ДЕЛА
НА НОВОЕ РАССМОТРЕНИЕ СО СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

*Дело Юшкова, Бутонаева и других. Определение
Судебной коллегии по уголовным делам от 21 ноября 1951 г.*

Приговором областного суда Хакасской области осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Юшков, Бутонаев и Филимонов.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор суда отменен с возвращением дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Протест Генеральным Прокурором СССР внесен на предмет отмены определения Верховного суда РСФСР и возвращения дела на новое кассационное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Бутонаев, Юшков и Филимонов признаны виновными в том, что, будучи работниками Аскизского Леспромхоза: Бутонаев — директором, Юшков — старшим бухгалтером, Фи-

лимонов — техноруком, в период 1948—1949 гг., злоупотребляя своим служебным положением, расхищали государственные средства.

В 1948 году Бутонаев, Юшков и Филимонов по договоренности между собой получили из кассы Леспромхоза 23 586 руб., которые присвоили. Для сокрытия присвоенной суммы отчитались фиктивными документами.

В период сплава леса в 1948 году Юшков, Бутонаев, Филимонов произвели приписку древесины в количестве 1955 куб. м, за что Юшкову и Бутонаеву была начислена и получена ими незаконно премия в сумме 15 015 руб.

Кроме того, Юшков присвоил корову, принадлежащую Леспромхозу, стоимостью 2500 руб., Бутонаев незаконно брал лошадей в колхозах, а за счет этого начислял колхозам выработку леса.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор отменен с возвращением дела на новое рассмотре-

ние со стадии предварительного следствия по следующим основаниям:

а) Описательная часть приговора изложена с нарушением ст. 334 УПК РСФСР; так, в одном случае суд признал установленным, что Бутонаевым, Юшковым и Филимоновым присвоено 23 586 руб., а дальше в том же приговоре указано, что перечисленными лицами присвоено 15 525 руб.

б) В нарушение ст. 311 УПК РСФСР суд признал Филимонова виновным в присвоении совместно с Бутонаевым, Юшковым 23 586 руб. и приписке древесины 1955 куб. м, тогда как ему обвинение предъявлено только лишь в оформлении фиктивных документов на 8061 р. 60 к.

Эти доводы Верховного суда РСФСР являются правильными, и приговор суда отменен обоснованно, однако определение Верховного суда РСФСР о необходимости возвращения дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия подлежит изменению, так как такое решение не вытекает из материалов дела и перечисленных в определении нарушений, допущенных судом.

Как видно из материала дела, Хакасским областным судом при вынесении приговора допущены нарушения ст. ст. 311 и 334 УПК РСФСР не в результате недоброкачественно проведенного предварительного следствия, а в результате поверхностного, небрежного проведения судебного следствия.

Материалами предварительного следствия с бесспорностью установлен тот факт, что незаконное изъятие денежных средств из кассы Леспромхоза имело место два раза: при сплаве леса в 1948 году, когда директором леспромхоза работал Бутонаев, в сумме 15 525 руб. и второй раз в 1949 году, когда директором Леспромхоза работал Школьников, в сумме 8061 руб.

Суд при допросах обвиняемых и свидетелей не принял мер к уточне-

нию, кто из привлеченных к ответственности лиц и в какой степени принимал участие в изъятии из кассы указанных выше сумм.

Это привело к тому, что в описательной части приговора признано установленным, что суммы 15 525 руб. и 8061 руб. похищены Бутонаевым, Юшковым и Филимоновым в 1948 году, тогда как материалами предварительного следствия и показаниями свидетеля Школьника в суде установлено, что 8061 руб. были изъяты из кассы Леспромхоза в 1949 году, в период, когда Бутонаев не работал директором Леспромхоза, в связи с чем органами предварительного следствия сумма 8061 руб. и не вменялась Бутонаеву в вину.

Не были в судебном следствии проверены материалы предварительного следствия и в части виновности Филимонова в присвоении 8061 руб.

Объяснения подсудимых Юшкова и Филимонова в протоколе судебного заседания настолько путано и небрежно записаны, что трудно из них сделать вывод, в чем конкретно они себя признали виновными и к какому из двух эпизодов изъятия денег из кассы относятся их объяснения.

Филимонов на предварительном следствии утверждал, что в сдаче леса в 1948 году он участия не принимал, так как был болен, и никакого участия в составлении фиктивных документов для сокрытия незаконно изъятых 15 525 руб. не принимал.

В судебном заседании этот вопрос не уточнен, Филимонов по этому поводу, а также по вопросу о приписке к плану в 1948 году 1955 куб. м древесины не допрошен.

Поскольку вынесение приговора с нарушением ст. ст. 311 и 334 УПК РСФСР явилось результатом недоброкачественно проведенного судебного следствия и Судебная коллегия Верховного суда РСФСР в своем определении никаких доводов, подтверждающих необходимость возвращения дела на новое рассмотре-

ние со стадии предварительного следствия, не привела, то дело подлежит возвращению на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

На основании изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

**6. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК ПО ДЕЛУ НЕ ВЫЯСНЕННЫ ПРИЧИНЫ
ОБРАЗОВАВШЕЙСЯ НЕДОСТАЧИ, ЧТО ИМЕЛО СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ**

*Дело Чернова и Халмурзиева. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 17 октября 1951 г.*

По приговору Таласского областного суда Чернов и Халмурзиев были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда Киргизской ССР приговор оставлен в силе.

Приговором по настоящему делу признано, что Чернов и Халмурзиев, будучи проводниками по сопровождению груза яблок со станции Джамбул до станции назначения Кандалей, приняли с перевалочной базы Киркоопторга на станции Джамбул 359 ящиков яблок весом 8965 кг, предназначенные орсу треста «Молотовуголь». Вместе с этим количеством яблок они погрузили в вагон и лично им принадлежащие 20 ящиков яблок. При сдаче яблок получателю — орсу «Молотовуголь» оказалась недостача 1327 кг яблок, на что был составлен коммерческий акт, подписанный как Черновым, так и Халмурзиевым. При попытке реализации на рынке яблок, похищенных проводниками, последние были задержаны.

При производстве обыска на квартире гр-на Третьякова, где остановились Чернов и Халмурзиев, обнаружено 20 ящиков яблок, которые были изъяты и переданы орсу «Молотовуголь».

Рассмотрев протест Председателя

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Юшкова, Бутонаева и Филимонова изменить: дело в отношении указанных лиц направить на новое рассмотрение в областной суд Хакасской автономной области в ином составе судей со стадии судебного разбирательства.

Верховного суда СССР, Коллегия признала, что приговор и определение в отношении Чернова и Халмурзиева подлежат отмене по следующим основаниям:

Суд в основу обвинения Чернова и Халмурзиева в хищении положил исключительно факт недостачи 1327 кг яблок и обнаружения на квартире гражданина Третьякова, где остановились Чернов и Халмурзиев, 20 ящиков яблок.

Чернов как на предварительном следствии, так и на суде утверждал, что недостача яблок образовалась не в результате хищения, а вследствие того, что перевалочная база «Кирплодоовощ» ошибочно недогрузила в вагон 15 ящиков яблок, о чем он тут же доложил заведующему этой базой Плохих. Но поскольку документы о принятии 359 ящиков яблок железнодорожной накладной были уже оформлены, Плохих не произвел исправления документов в сторону уменьшения, а выдал ему справку о недогрузке в вагон 15 ящиков яблок.

Это объяснение Чернова подтверждено приобщенной к делу справкой, выданной заведующим перевалочной базой Плохих, и счетоводом той же базы.

Допрошенный на предварительном следствии Плохих подтвердил выдачу Чернову этой справки. Однако органами следствия не проверено, действительно ли недогружено в вагон 15 ящиков яблок или

эту справку Плохих выдал с целью сокрытия преступления осужденных. Если действительно не было догружено 15 ящиков яблок, то обнаружены ли впоследствии излишки яблок на перевалочной базе «Киркоопторга».

По всем этим обстоятельствам очной ставки между Черновым и Плохих проведено не было и на суде Плохих также допрошен не был.

По поводу обнаружения 20 ящиков яблок, Чернов как на предварительном следствии, так и на суде заявил, что эти яблоки принадлежат лично ему и собраны из своего сада, что эти яблоки он погрузил в вагон вместе с яблоками, предназначенными для орса «Молотовуголь» с разрешения Плохих для того, чтобы продать на рынке.

В деле имеется справка председателя исполкома поселкового Совета депутатов трудящихся, подтверждающая, что Чернов имеет свой приусадебный участок, на котором имеются плодоносящие яблони — 56 корней.

Сам суд в своем приговоре указал, что Черновым и Халмурзиевым, кроме 8965 кг яблок, предназначенных для орса «Молотовуголь», в вагон были погружены и свои 20

ящиков яблок. Однако в противоречие этим утверждениям суд далее указывает, что проводники были задержаны при попытке реализации 20 ящиков похищенных яблок.

Таким образом, по делу нельзя прийти к выводу, действительно ли 20 ящиков яблок принадлежали осужденным или они были похищены. Это обстоятельство требует тщательной проверки, поскольку оно имеет существенное значение для дела.

Кроме того, необходимо отметить, что суд, взыскав с осужденных за недостачу 1327 кг яблок в пользу базы «Кирплодоовощ», в то же время не обсудил вопроса о списании с осужденных стоимости 20 ящиков яблок, изъятых у осужденных и переданных орсу «Молотовуголь».

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам, находя дело не исследованным с достаточной полнотой, определила:

Приговор Таласского областного суда и определение Верховного суда Киргизской ССР в отношении Чернова и Халмурзиева отменить и дело о них направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

7. НЕОБОСНОВАННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЯ ОСУЖДЕННОГО

Дело Орлова. Определение Железнодорожной коллегии от 17 октября 1951 г.

Определением окружного суда Северо-Западного округа по делу Орлова, осужденного приговором линейного суда Ленинградской ж. д. по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», преступление Орлова переквалифицировано на ст. 109 УК РСФСР и ст. 1 названного Указа.

По приговору линейного суда Ленинградской ж. д. Орлову вменено в вину, что, исполняя обязанности начальника станции Батецкой Ленин-

градской ж. д., он незаконно заключил договор со строительномонтажным управлением № 9 о продаже шлака в количестве 15-ти железнодорожных платформ и получаемые от представителя строительномонтажного управления Алексеева лимитированные чеки обменивал в станционной кассе на деньги, а деньги присваивал. Всего таким путем Орловым было присвоено в разное время по четырем чекам 540 руб., 360 руб., 875 руб. и 100 руб.

Действия Орлова линейный суд квалифицировал по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уغو-

ловной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Окружной суд Северо-Западного округа переквалифицировал действия Орлова на ст. 1 упомянутого Указа и на ст. 109 УК РСФСР.

На определение окружного суда Генеральным Прокурором СССР внесен протест, в котором поставлен вопрос об его отмене ввиду необоснованного изменения квалификации преступления Орлова.

Рассмотрев дело, Железнодорожная коллегия установила:

Окружной суд Северо-Западного округа изменение квалификации действий Орлова со ст. 2 на ст. 109 УК РСФСР и ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» мотивировал тем, что обвинение Орлова в присвоении денег по двум чекам

в сумме 540 руб. и 360 руб. не доказано, так как по объяснению Орлова эти 900 руб. он передал осужденному Пухову.

Помимо того, что объяснения Орлова не подтверждены объективными доказательствами, окружной суд, признав Орлова виновным в присвоении полученных им в разное время 875 руб. и 100 руб., не указал, почему двукратное присвоение Орловым государственных средств должно квалифицироваться не по ст. 2, а по ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Соглашаясь с протестом, Железнодорожная коллегия определила:

Определение окружного суда Северо-Западного округа в отношении Орлова отменить и дело о нем направить на новое кассационное рассмотрение в окружной суд Центрального округа.

8. НЕПРАВИЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ

*Дело Разживина и Корчагина.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 24 ноября 1951 г.*

По приговору Омского областного суда от 22 февраля 1951 г. Разживин и Корчагин были в числе других осуждены по ст. 59³ УК РСФСР каждый к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества. К этому наказанию суд присоединил 10 лет лишения свободы, назначенные Разживину и Корчагину по предыдущим приговорам, и по совокупности определил каждому из них 20 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на пять лет и конфискацией имущества.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставила в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что суд неправильно определил осужденным наказание по совокупности.

Разживин и Корчагин были осуждены за бандитское нападение, совершенное ими после вынесения в отношении их предыдущих приговоров. Разживин был ранее судим 8 июня 1950 г. по ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной ответственности граждан», а Корчагин — 18 августа 1950 г. по ст. 59³ УК РСФСР к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях каждый.

Поскольку суд не нашел оснований при рассмотрении данного дела для определения по ст. 59³ УК РСФСР высшего предела наказания, предусмотренного этой статьей, т. е. с учетом Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» — 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях, и определил Разживину и Корчагину по ст. 59³ УК наказание в 10 лет лишения свобо-

ды, — суд разрешая вопрос о совокупности, не был вправе устанавливать промежуточную санкцию между 10 и 25 годами лишения свободы, не предусмотренную законом, согласно которому 25 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях применяется согласно упомянутому Указу лишь как наказание, заменяющее высшую меру наказания.

Поэтому и учитывая, что высший предел лишения свободы по обоим преступлениям, входящим в совокупность, не превышает 10 лет, суд, определив Разживину и Корчагина по данному приговору 10 лет лишения свободы, обязан был поглотить неотбытый срок наказания по вынесенным ранее приговорам.

**9. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕИССЛЕДОВАННОСТИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА, ИМЕЮЩИХ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМОГО
ИЛИ ДРУГИХ ЛИЦ В НАСТУПИВШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ, А ТАКЖЕ
ЗА НАРУШЕНИЕМ ПРАВ ПОДСУДИМОГО НА ЗАЩИТУ**

*Дело Геворкяна. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 16 сентября 1951 г.*

По приговору народного суда Эчмиадзинского района Армянской ССР осужден Геворкян по ч. 1 ст. 74³ УК Армянской ССР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР приговор оставлен в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены приговора и определения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Геворкян признан виновным в том, что он, являясь шофером грузовой автомашины № 48—60, 17 августа 1950 г. выехав из г. Эчмиадзина в г. Ереван, в нарушение правил вел машину с недозволенной скоростью, внезапно повернул ее влево, в результате чего машина, управляемая им, столкнулась с машиной марки «БМВ» № 74—02. При столкновении машин 5 пассажиров получили телесные повреждения, а один был убит.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Во изменение приговора Омского областного суда от 22 февраля 1951 г. в отношении Разживина и Корчагина неотбытую ими часть наказания по предыдущим приговорам поглотить наказанием, назначенным им по данному приговору, определив каждому из них по совокупности 10 лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества, считая срок отбывания наказания со дня вынесения приговора по этому делу.

Приговор народного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР подлежат отмене по следующим основаниям:

На предварительном следствии Геворкян себя виновным не признал и показал, что он, увидев по ходу машины внезапно появившихся подростков Арутюняна Асмика и Арутюняна Хачатура, машину свернул чуть влево и остановил с тем, чтобы выйти из кабины и посмотреть, что с детьми, но в это время в его машину врезалась легковая машина «БМВ» № 74—02.

В судебном заседании Геворкян отказался давать показания ввиду того, что заявленный им отвод составу суда не был удовлетворен.

Вместо того, чтобы подробнее допросить свидетелей и выяснить, насколько показания Геворкяна об обстоятельствах столкновения машин соответствуют действительности, суд допросил свидетелей поверхностно, в результате чего ос-

новые обстоятельства дела остались невыясненными.

На предварительном следствии допрошенные в качестве свидетелей Арутюнян А., Арутюнян Х. и Абрамян А. подтвердили показания Геворкяна о том, что он, Геворкян, повернул машину влево в силу создавшегося угрожающего положения подросткам. В судебном заседании в результате поверхностного допроса этих свидетелей их показания с достаточной полнотой не были проверены.

Несмотря на сложность дела, суд не допросил специалиста по автотранспорту и не выяснил, кто из шоферов столкнувшихся машин допустил нарушения правил вождения машины и в чем выразились эти нарушения. Этого не сделали и органы предварительного следствия.

Как видно из акта, составленного автоинспекцией, авария произошла в результате допущенного нарушения правил вождения автомашин шоферами Геворкяном и Мелконяном. Однако органы предварительного следствия, не выяснив всех обстоятельств дела и степени виновности Мелконяна, в отношении последнего дело производством прекратили и предали суду только Ге-

воркяна. После осуждения Геворкяна постановление о прекращении дела в отношении Мелконяна вышестоящим прокурором было отменено с передачей дела в отношении Мелконяна следственным органам.

Как видно из протокола судебного заседания, Геворкян заявил отвод составу суда и адвокату, в частности, заявляя, что он не доверяет ему свою защиту, так как адвокат является родственником Розы Бабаян, убитой во время столкновения машин.

Суд, даже не опросив адвоката, являлся ли он родственником убитой Розы Бабаян, отклонил ходатайство Геворкяна без достаточных на то оснований, в результате последний отказался от защиты.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, соглашаясь с протестом, определила:

Приговор народного суда Эчмиадзинского района и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР в отношении Геворкяна отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

10. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, ПРОВЕДЕННОГО С НАРУШЕНИЕМ СТ. 111 УПК РСФСР

Дело Оплеухина и других. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 28 ноября 1951 г.

[Извлечение]

По приговору Кемеровского областного суда осуждены: Оплеухин, Милицин, Горбунов, Худяшев и Антонов — по ст. 59³ УК РСФСР и по Закону от 7 августа 1932 г., Гомова Валентина — по п. «в» ст. 162 УК РСФСР и по ст. 59³ УК РСФСР, Кислицина — по п. «в» ст. 162 УК РСФСР и по ст. 59¹³ УК РСФСР, Тугушев — по ч. 3 ст. 165 УК РСФСР и Гомова Анна — по ст. 17 и п. «в» ст. 162 УК РСФСР.

Определением Судебной коллегии

по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе.

Протест Председателем Верховного суда СССР внесен на предмет отмены приговора и определения и направления дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

По приговору суда Оплеухин, Милицин, Худяшев, Горбунов, Антонов

и Гомова Валентина признаны виновными в том, что они, проживая в г. Прокопьевске, организовавшись под руководством Оплеухина в бандитско-грабительскую группу, имея на вооружении пистолет системы «ТТ», занимались грабежами.

В ночь на 31 марта 1947 г. Оплеухин, Милицин, Худяшев, Горбунов и Антонов совершили ограбление склада АХО треста «Прокопьевскуголь», похитив ценностей на 30 570 р. 15 к. Из похищенного Милицин и Горбунов на другой день после ограбления склада принесли на квартиру Гомовой Валентины 8 флаконов одеколна «Аврора».

В ночь на 10 апреля 1947 г. Оплеухин и Милицин по сговору с неустановленными по делу лицами в г. Прокопьевске остановили следовавшую автомашину, принадлежащую спецконторе «Кузбассуголь», и, произведя выстрел, заставили шофера Михайлова и других лиц, находившихся в машине, освободить автомашину, сами сели в автомашину и уехали. На утро автомашина была обнаружена за городом.

В ночь на 16 апреля 1947 г. Оплеухин, Милицин, Антонов и Гомова по указанию Антонова в г. Прокопьевске совершили бандитский налет на квартиру директора школы № 5 гр-на Зорина. Оплеухин проник в квартиру через окно, произвел выстрел в Зорина и, угрожая жене Зориной — Азановой, забрал из портфеля на 2000 руб. облигаций и ряд вещей, которые передал через окно участникам преступления. Зорин от полученного ранения вскоре умер. О применении оружия к Зорину давала совет Оплеухину Гомова Валентина.

26 марта 1947 г. Гомова и Кислицина по предложению последней совершили кражу носильных вещей из квартиры гр-ки Устиновой, часть из которых обнаружена в квартире Гомовой, и, кроме того, Кислицина признана виновной в том, что, зная о преступно-бандитской деятельности Оплеухина и других, не донесла органам власти.

14 мая 1947 г. Антонов по договоренности с Тугушевым на рынке ограбили гр-ку Черкасову, отобрав у нее швейную машину.

Милицин, Горбунов и Худяшев признаны виновными также в том, что они систематически занимались карманными кражами.

Приговор Кемеровского областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Органами предварительного и судебного следствия не добыто достаточных доказательств виновности Оплеухина, Милицина, Худяшева, Горбунова и Антонова в совершении ограбления склада АХО треста «Прокопьевскуголь» в ночь на 31 марта 1947 г.

Суд в обоснование в этой части приговора сослался на показания подсудимой Кислициной, которые ею даны в процессе предварительного следствия 11 июня 1947 г. о том, что на другой день после ограбления склада Милицин и Горбунов принесли на квартиру Гомовой Валентины 8 флаконов одеколна.

Гомова Валентина, Гомова Анна, на которую, как свидетеля, ссылалась Кислицина, а также свидетель Шарнин показания Кислициной не подтвердили. Сама Кислицина в судебном заседании 22—24 июня 1949 г. отказалась от ранее данных показаний.

Гомова Валентина не отрицала, что в ее квартире были флаконы из-под одеколна «Аврора», приобретенного ею в магазине. Показания Гомовой об источнике приобретения одеколна органами следствия не опровергнуты. Следствие ограничилось составлением акта от 20 января 1949 г. о том, что в мае 1947 года обыск в квартире Гомовой производился бывшим уполномоченным милиции Тимошенко, который протокола обыска не сдал. Этот документ ничего не подтверждает, в том числе и самого факта обнаружения флаконов из-под одеколна в квартире Гомовой.

Ни органами следствия, ни судом не устранены противоречия в показаниях сторожа склада свидетеля Титова об обстоятельствах ограбления склада. На первых допросах и в судебном заседании от 26 января 1948 г. свидетель Титов показал, что ограбление склада совершили шесть человек, которые после ограбления убежали, причем о наличии лошади у грабителей не говорил, а при допросе 29 января 1949 г. тот же свидетель утверждал, что грабители имели запряженную лошадь, на которой с награбленным уехали. Осужденные Оплеухин, Милицин, Худяшев, Горбунов и Антонов виновными себя в ограблении склада не признали.

При этих обстоятельствах приговор в части обвинения Оплеухина, Милицина, Худяшева, Горбунова и Антонова в совершении ограбления склада не может быть признан обоснованным.

Суд признал виновными Оплеухина, Милицина, Антонова и Гомову в ограблении квартиры Зорина и убийстве последнего на основании опознавания Оплеухина женой убитого — свидетелем Азановой, а также показаний подсудимой Кислициной, данных ею на предварительном следствии.

В то же время материалами дела установлено, что Азанова ранее безоговорочно опознала Омельченко за лицо, совершившее ограбление и убийство ее мужа, а затем уже при вторичном вызове в органы милиции опознала Оплеухина за лицо, совершившее ограбление и убийство ее мужа.

На допросе от 12 января 1949 г. свидетель Азанова показала о всех обстоятельствах, предшествовавших опознанию Оплеухина и самого опознания, которые свидетельствуют о том, что расследование проводилось с нарушением ст. ст. 111—112 УПК РСФСР. Опознание Оплеухина за лицо, совершившее ограбление и убийство Зорина, было произведено после настойчивых требований лиц, расследовавших дело, которые убе-

ждали Азанову в том, что при первом опознании она ошиблась и что доказана виновность Оплеухина.

Следователь прокуратуры, производивший дополнительное расследование, и суд при рассмотрении дела не выяснили, насколько обоснованно было прекращено дело в отношении Омельченко, Сидорова и Попова, ранее содержавшихся под стражей по делу об убийстве и ограблении Зорина.

Остался неисследованным вопрос и в части алиби Антонова, утверждавшего, что в день ограбления Зорина он, Антонов, содержался под стражей и, следовательно, не мог принимать участия в бандитском нападении на квартиру Зорина.

Как видно из протокола судебного заседания от 26 января 1948 г., суд после обозрения книги регистрации задержанных констатировал, что Антонов был задержан 14 апреля 1947 г. (записано «14.IV—47 г.»).

Протоколом осмотра книги задержанных, составленным следователем, установлено, что Антонов с 14 апреля по 18 апреля 1947 г. не задерживался, а был задержан 14 мая 1947 г. Антонов утверждает, что он был задержан 14 апреля 1947 г. и содержался по 18 апреля 1947 г.

Для выяснения этого вопроса, помимо осмотра книги регистрации задержанных, необходимо было проверить по месту работы Антонова, который в то время работал на шахте, отсутствовал ли Антонов на работе с 14 апреля 1947 г. по 18 апреля 1947 г. и по каким причинам. Не исследован также с достаточной полнотой эпизод с нападением на автомашину, управляемую шофером Михайловым.

Обвинение Оплеухина и Милицина в этой части основано на опознании их свидетелями Михайловым и Моркевичем. В то же время свидетель Михайлов — шофер автомашины — на судебном заседании заявил, что он опознает одного Оплеухина, а Милицина не опознает за лицо, участвовавшее в нападении.

Маркевич в судебном заседании 20 декабря 1947 г. показал, что Оплеухин и Милицин были «схожи» с теми лицами, которые совершили на них нападение, но уверенно сказать не может, что это были они, так как был сильно испуган. В то же время в судебном заседании 22—24 июня 1949 г. уверенно заявил, что это были Оплеухин и Милицин.

Эти противоречия в показаниях Михайлова и Маркевича не устранены. Кроме того не проверено, при каких обстоятельствах производилось опознание и по каким признакам свидетели Михайлов и Маркевич опознали Оплеухина.

Выяснение всех указанных выше обстоятельств имеет значение как для установления конкретной виновности каждого из осужденных, так и квалификации преступления.

Также не устранены противоречия в показаниях свидетеля Черкасовой по поводу хищения у нее Тугушевым швейной машины. На предварительном следствии, в частности на очной ставке с Тугушевым, Черкасова утверждала, что машина была похищена Тугушевым. На судебном заседании 26 января 1948 г. Черкасова показала, что Тугушева она не знает, и стала утверждать, что хищение швейной машины произвел Худяшев, с которым якобы ей и производили очную ставку. На последнем судебном заседании Черкасова не допрошена.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Кемеровского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменить и дело направить на расследование.

11. КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТМЕНЕНО ВВИДУ ГРУБОГО НАРУШЕНИЯ СТ. 409 УПК РСФСР

Дело Гурова. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 19 сентября 1951 г.

По приговору народного суда 2-го участка Зарайского района, Московской области, от 26 мая 1950 г. Гуров в числе других был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 12 июня 1950 г. приговор суда оставлен в силе.

21 марта 1951 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР по протесту Генерального Прокурора СССР отменила определение Московского областного суда от 12 июня 1950 г. за нарушением ст. 409 УПК РСФСР и направила дело на новое рассмотрение в ту же Коллегию.

При вторичном рассмотрении дела в отношении Гурова 25 апреля

1951 г. Московский областной суд вновь допустил грубое нарушение ст. 409 УПК РСФСР.

Назначив дело к слушанию на 25 апреля 1951 г., областной суд не вызвал ни осужденного, ни его адвоката Пантелеева, защищавшего в суде Гурова.

Это подтверждается тем, что повестка о вызове в суд на имя Пантелеева не посылалась, а была послана на имя адвоката Зерцалова, который по делу защищал не Гурова, а Афонина.

При таких данных определение областного суда, как вынесенное с грубым нарушением ст. 111 Конституции СССР и ст. 409 УПК РСФСР, подлежит вновь отмене.

На основании изложенного, согласившись с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 25 апреля 1951 г. в отношении Гурова отменить и дело вернуть на новое кассационное рассмотрение в ином составе судей

в ту же Коллегию с соблюдением ст. 409 УПК.

Вместе с тем Коллегия вынесла частное определение, в котором указано на допущенное нарушение права обвиняемого на защиту.

**12. СУД, РАССМАТРИВАЯ ДЕЛО ПО КАССАЦИОННОЙ ЖАЛОБЕ
ОСУЖДЕННОГО, НЕ ВПРАВЕ ОДНОВРЕМЕННО РАССМАТРИВАТЬ И ПРОТЕСТ,
ВНЕСЕННЫЙ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ПО ЭТОМУ ЖЕ ДЕЛУ;
ЛОЖНОЕ ПОКАЗАНИЕ, ДАННОЕ В ИНТЕРЕСАХ ИСПОЛНИТЕЛЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НЕ МОЖЕТ КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ КАК
СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ**

*Дело Петросяна и Вардеваняна.
Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 15 ноября 1951 г.*

По приговору народного суда Бериевского района Армянской ССР Петросян, обвинявшийся по ч. 1 ст. 74³ УК Армянской ССР (нарушение трудовой дисциплины работником транспорта) был осужден по ст. 165 УК Армянской ССР (убийство по неосторожности), а Вардеванян, обвинявшийся по ст. 17 и ч. 1 ст. 74³ УК, был осужден по ст. ст. 17 и 165 УК Армянской ССР.

Петросян признан виновным в том, что, работая в транспортной конторе сборщиком и одновременно имея шоферские права, он на машине, принадлежащей осужденному по этому делу Вардеваняну, во время перевозки пассажиров совершил аварию, повлекшую смерть одного из пассажиров.

Вардеванян, узнав о том, что Петросян на его машине совершил аварию и скрылся, заявил в милицию, что якобы его машину угнали неизвестные лица, и с целью сокрытия преступления, совершенного Петросяном, упорно не признавался в том, что он свою машину передал Петросяну и что авария совершена последним.

По данному делу осужденные принесли кассационные жалобы, а Прокурор Армянской ССР протест в порядке надзора, в котором ставился вопрос об отмене приговора за неправильностью изменения квалификации преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР приговор народного суда отменила по мотивам неправильной квалификации преступления и дала указания суду о необходимости квалификации преступления Петросяна и Вардеваняна, как работников транспорта, в отношении первого — по ч. 1 ст. 74³ УК, а в отношении второго — по этой же статье и ст. 17 УК Армянской ССР.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Как усматривается из дела, кассационные жалобы осужденных Петросяна и Вардеваняна поступили в народный суд в установленный законом срок. Накануне рассмотрения дела Судебной коллегией, т. е. по истечении кассационного срока, Прокурор республики принес по делу протест в порядке надзора. Судебная коллегия до вступления приговора народного суда в законную силу совместно с кассационными жалобами осужденных рассмотрела также и протест в порядке надзора и именно по протесту отменила приговор народного суда, а кассационную жалобу осужденных по существу оставила без обсуждения. Как

видно из определения Коллегии, доводы, изложенные осужденными в жалобах, Судебной коллегией не обсуждались.

Таким образом, Верховный суд Армянской ССР допустил нарушение ст. 16 Закона о судоустройстве, согласно которой протест в порядке надзора может быть принесен на приговор лишь по вступлении его в законную силу.

Вместе с тем Судебная коллегия неправильно пришла к выводу, что действия, вменяемые осужденным, подлежат квалификации по ст. 74³ УК по тем мотивам, что они являются работниками транспорта.

Петросян, хотя и работал в транспортной организации и имел шоферские права, однако по своей работе являлся сборщиком, а не водителем машины и к тому же аварии совершил при поездке на частной машине, принадлежащей Вардеваняну, а не при исполнении своих служебных обязанностей.

Таким образом, по каждому из указанных выше оснований действия, инкриминируемые Петросяну, не могли квалифицироваться по ст. 74³ УК и в соответствии с постановле-

нием Пленума Верховного суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» подлежали квалификации по ст. 165 УК Армянской ССР, как их и квалифицировал народный суд.

Что касается Вардеваняна, то он не может нести ответственности, как соучастник преступления, ни по ст. 165, ни по ст. 17 и ч. 1 ст. 74³ УК Армянской ССР. Действия, инкриминируемые Вардеваняну, должны рассматриваться не как соучастие в совершении преступления в форме сокрытия следов преступления, а как дача ложного показания органам предварительного следствия, что предусмотрено ст. 119 УК Армянской ССР.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Армянской ССР по делу Петросяна и Вардеваняна отменить и дело передать на новое кассационное рассмотрение в ту же Коллегию в ином составе.

13. ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ НЕ МОГУТ БЫТЬ ОТВЕРГНУТЫ ТОЛЬКО НА ТОМ ОСНОВАНИИ, ЧТО ЭТИ СВИДЕТЕЛИ НАХОДЯТСЯ В РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ПОДСУДИМЫМ

Дело Степанова и Кадышеса. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 10 октября 1951 г.

По приговору Днепропетровского областного суда осуждены Степанов и Кадышес по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Определением Верховного суда УССР приговор оставлен в силе.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, в котором ставится вопрос об отмене приговора Днепропетровского областного суда и определения Верховного суда УССР и передаче дела на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Судебная кол-

легия по уголовным делам Верховного суда СССР установила:

Суд признал доказанным, что Степанов и Кадышес с третьим соучастником, оставшимся неустановленным, в 7 ч. 30 м. вечера, угрожая оружием, связали жильцов квартиры № 1 дома № 30 по улице Чернышевского в г. Днепропетровске, ограбили их и скрылись.

Часть вещей, принадлежащих потерпевшему Пачевскому, была обнаружена во дворе дома № 1-а по улице Гоголя и возвращена по принадлежности.

Приговор Днепропетровского областного суда и определение Вер-

ховного суда УССР подлежат отмене по следующим основаниям:

Единственным доказательством виновности Степанова и Кадышеса является опознание их потерпевшими Пачевским и Першак, причем Пачевский опознал одного только Степанова, а Першак — Кадышеса. Однако это единственное доказательство виновности Степанова и Кадышеса, на котором основан приговор, находится в противоречии с другими собранными по делу материалами.

Кроме Пачевского и Першак, в квартире в момент ограбления находились еще жены Пачевского и Першака. Однако Степанова и Кадышеса ни одна из них не опознала. В приговоре указано, что Степанов и Кадышес совершили ограбление по предварительному сговору между собой. Однако как на предварительном, так и судебном следствии не только не добыто никаких доказательств наличия между Степановым и Кадышесом сговора, но и о их знакомстве до совершения преступления. Между тем Степанов и Кадышес утверждали, что они узнали друг друга только во время предварительного следствия по настоящему делу.

Суд не принял во внимание утверждения Степанова о том, что в момент ограбления Пачевских и Першака он был у себя дома, а также утверждения Кадышеса, что он в то время находился на квартире своей знакомой Гариводской, хотя допрошенные по этому поводу свидетели

Косина, Быкова, Проскурова, Гариводская, Березинский, Борзенко, Пододный и Кандра подтвердили показания Степанова и Кадышеса. Суд указал в приговоре, что показания этих свидетелей не заслуживают доверия, так как они являются либо родственниками, либо близкими знакомыми Степанова и Кадышеса.

Суд, однако, не имел достаточных оснований отвергнуть показания перечисленных выше свидетелей. Если показания этих свидетелей вызвали у суда сомнения в их достоверности, он обязан был либо сам принять меры к их дополнительной проверке или же в случае отсутствия к этому возможности вернуть дело для этой цели органам предварительного следствия.

Кроме того, следовало проверить, действительно ли Степанов и Кадышес предварительно договорились о грабеже. Последние не только отрицали это обстоятельство, но утверждали, что до суда они не были знакомы между собой. Однако эти существенные обстоятельства не были проверены ни судом, ни органами предварительного следствия.

В силу изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Днепропетровского областного суда и определение Верховного суда Украинской ССР отменить, а дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

14. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ ВОЗНИКШИХ СОМНЕНИИ ОБ ИМЕНИ И ВОЗРАСТЕ ОСУЖДЕННОГО

*Дело М. Определение Судебной коллегии по уголовным делам
от 12 ноября 1951 г.*

По приговору Верховного суда Башкирской АССР М. был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Определением Верховного суда РСФСР приговор Верховного суда

Башкирской АССР оставлен в силе. М. признан виновным в том, что он 28 июня 1950 г., встретив в лесу девочку Ш., изнасиловал ее.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор Верховного суда Башкирской АССР и определе-

ние Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

М. по прибытии в тюрьму после осуждения заявил, что он М. Мунир Сафиевич, 25 августа 1937 г. рождения, а не М. Самирхан Сафиевич, 1934 года рождения, как указано в приговоре.

В деле имеется свидетельство о рождении за № 482926 от 26 июля 1950 г., выданное бюро записей актов гражданского состояния на имя М. Самирхана Сафиевича, 1934 года рождения.

Свидетельство же о рождении за № 765843 от 3 февраля 1951 г., име-

ющееся в личном деле заключенного, выдано на имя М. Мунира Сафиевича, рождения 25 августа 1937 г.

Таким образом, возраст и имя осужденного по делу в достаточной степени ни органом предварительного следствия, ни судом не были установлены.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Верховного суда Башкирской АССР и определение Верховного суда РСФСР в отношении М. отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. ЖАЛОБЫ НА ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ, НАЛОЖЕННЫЕ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ВЦИК И СНК РСФСР ОТ 20 МАРТА 1932 г. «О ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОРЯДКЕ ПОДЧИНЕННОСТИ», ПОДАЮТСЯ ВЫШЕСТОЯЩЕМУ ДОЛЖНОСТНОМУ ЛИЦУ; ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ЖАЛОБАМ ЯВЛЯЮТСЯ ОКОНЧАТЕЛЬНЫМИ И МОГУТ БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕНЫ ТОЛЬКО В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ВЫШЕСТОЯЩИМИ ОРГАНАМИ

Определение по делу № 36/1049 по иску Полтева к ЦК профсоюза рабочих автотракторной промышленности о восстановлении в должности

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 8 декабря 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение Верховного суда РСФСР от 20 февраля 1951 г., на решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Москвы от 26 июля 1951 г. и на определение Московского городского суда от 7 сентября 1951 г. по иску Полтева к ЦК профсоюза рабочих автотракторной промышленности о восстановлении в должности.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Согласно постановлению президиума ЦК профсоюза рабочих автотракторной промышленности, главный технический инспектор, исполнявший обязанности заведующего отделом охраны труда ЦК профсоюза, Полтев был уволен с работы по п. «г» ст. 47 КЗоТ РСФСР.

Считая увольнение с работы неправильным, Полтев обратился в народный суд с иском о восстановлении в должности и об оплате за вынужденный прогул.

Приняв это дело к своему произ-

водству и назначив его к слушанию, народный суд 7-го участка Ленинского района г. Москвы 13 января 1950 г. вынес определение о прекращении дела производством в судебном порядке со ссылкой на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности»¹.

Московский городской суд 20 февраля 1950 г. определение народного суда оставил в силе, признав, что истец Полтев может обжаловать свое увольнение с работы лишь в порядке подчиненности и что суду разрешение данного дела неподведомственно.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 20 февраля 1951 г. определение народного суда и определение Московского городского суда отменила и дело передала в тот же народный суд для рассмотрения по существу.

Рассмотрев дело, народный суд 1-го участка Ленинского района

¹ СУ РСФСР 1932 г. № 32. ст. 152.

г. Москвы решением от 26 июля 1951 г. признал увольнение Полтева неправильным, восстановил его в ранее занимаемой должности главного технического инспектора ЦК профсоюза рабочих автотракторной промышленности с оплатой за 20 дней вынужденного прогула.

Определением Московского городского суда от 7 сентября 1951 г. решение народного суда о восстановлении Полтева в должности оставлено в силе.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене определения Верховного суда РСФСР от 20 февраля 1951 г., решения народного суда от 26 июля 1951 г. и определения Московского городского суда от 7 сентября 1951 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

По своему должностному положению Полтев, как главный технический инспектор ЦК профсоюза, относится к категории ответственных работников, подпадающих под действие постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности».

Согласно названному постановлению жалобы на распоряжение о наложении дисциплинарного взыскания подаются должностному лицу или органу, непосредственно вышестоящему в отношении должностного лица или органа, которым взыскание наложено. Постановления по жалобам являются окончательными и могут быть пересмотрены только в порядке надзора вышестоящими органами.

Исходя из этого и принимая во внимание, что Полтев был уволен от должности по п. «г» ст. 47 КЗоТ, т. е. в порядке дисциплинарной ответственности за служебные проступки и нарушение трудовой дисциплины, он вправе был обжаловать это увольнение лишь в вышестоящую организацию.

Народный суд, ошибочно приняв к своему рассмотрению исковое заявление Полтева, эту ошибку исправил последующим определением,

правильно прекратив дело производством как ему не подведомственное.

Отменяя определение народного суда и Московского городского суда, Верховный суд РСФСР указал, что прекращение производства по делу мотивировано тем, что истец Полтев по занимаемой должности относится к категории ответственных работников, предусмотренных Общим перечнем № 1 категорий ответственных работников, дела которых об увольнении и восстановлении в должности не подлежат рассмотрению в РКК и трудовых сессиях народного суда¹, тогда как этим перечнем должность главного технического инспектора не предусмотрена.

Эти указания Верховного суда РСФСР не соответствуют содержанию определений народного суда и Московского городского суда, так как в этих определениях не имеется ссылки на перечень ответственных работников, дела которых об увольнении и восстановлении в должности не подлежат рассмотрению в расценочно-конфликтных комиссиях и в суде.

Как народный суд, так и Московский городской суд, признавая данное дело не подведомственным суду, руководствовались постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1932 г. «О дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности» и перечнем категорий ответственных работников, подпадающих под действие этого постановления, который утвержден НКТ СССР 4 августа 1932 г.² Согласно этому перечню на лиц, занимающих должности технических и санитарных инспекторов всех ведомств, распространяется действие названного выше постановления о дисциплинарной ответственности в порядке подчиненности.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

¹ «Известия НКТ СССР» 1930 г. № 1—2.

² «Известия НКТ СССР» 1932 г. № 24.

Определение Верховного суда РСФСР от 20 февраля 1951 г., решение народного суда 1-го участка Ленинского района г. Москвы от 26 июля 1951 г. и определение Московского городского суда от 7 сен-

тября 1951 г. отменить, а определение народного суда 7-го участка Ленинского района г. Москвы от 13 января 1950 г. и определение Московского городского суда от 20 февраля 1950 г. оставить в силе.

2. ЗАДАТКОМ ПРИЗНАЕТСЯ ДЕНЕЖНАЯ СУММА ИЛИ ИНАЯ ИМУЩЕСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ, ВЫДАННАЯ В СЧЕТ ПРИЧИТАЮЩИХСЯ ПО ДОГОВОРУ ПЛАТЕЖЕЙ ОДНИМ КОНТРАГЕНТОМ ДРУГОМУ ДЛЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ ДОГОВОРА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ
(ст. 143 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик)

Определение по делу № 361973 по иску Афиногенова к Кочану о взыскании 3000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 ноября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда Кировского района, Крымской области, и определение Верховного суда РСФСР по иску Афиногенова к Кочану о взыскании 3000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Афиногенов обратился в суд с иском к Кочану о взыскании 3000 руб. Истец указал, что им были выплачены ответчику в счет расчетов по несостоявшемуся договору купли-продажи дома 1500 руб. и требовал возврата платежа в двойном размере.

Народный суд Кировского района, Крымской области, рассматривая уплаченную ответчиком сумму как задаток, иск Афиногенова полностью удовлетворил, ссылаясь на ст. 143 ГК РСФСР.

На это решение Председателем Верховного суда СССР был принесен протест в Верховный суд РСФСР, но Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР протест отклонила, в связи с чем Председатель Верховного суда СССР обратился с протестом в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного суда СССР.

Протест об отмене решения народного суда и определения Вер-

ховного суда РСФСР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Дело рассмотрено в отсутствие ответчика Кочана и без выяснения причин его неявки в суд, чем допущено нарушение требований ст. ст. 97 и 98 ГПК РСФСР.

Кроме того, суд неправильно применил к взаимоотношениям сторон по настоящему делу ст. 143 ГК РСФСР.

Согласно ст. 143 ГК РСФСР задатком признается денежная сумма или иная имущественная ценность, выданная в счет причитающихся по договору платежей одним контрагентом другому для удостоверения договора и обеспечения его исполнения.

Из этого следует, что задатком может быть признана лишь та денежная сумма или иная имущественная ценность, которая была выдана при заключении договора не только в счет причитающихся по этому договору платежей, но, кроме того, для доказательства заключения этого договора, удостоверения его и обеспечения его исполнения. При отсутствии этих признаков указанные платежи следует рассматривать как аванс, т. е. сумму, предварительно уплачиваемую одной стороной другой, но не с целью обеспечения обязательства, а просто в счет причитающихся платежей, а на платежи в виде аванса

последствия, предусмотренные во второй части ст. 143 ГК РСФСР, не распространяются.

По настоящему делу отсутствуют изложенные выше признаки задатка: между сторонами вообще не было заключено какой-либо сделки, а лишь предполагалось заключение договора купли-продажи дома, и в счет платежей по этому будущему, но не состоявшемуся договору, истцом было выдано ответчику 2500 руб., из которых последним было возвращено 1000 руб. до предъявления Афиногеновым иска.

При таком положении следует

признать взыскание с ответчика в пользу истца денежного долга в двойном размере неправильным и противоречащим обстоятельствам дела и закону.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда Кировского района, Крымской области, и определение Верховного суда РСФСР и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд в ином составе судей с участием прокурора.

3. НАРОДНЫЙ СУД ОБЯЗАН УСТАНОВИТЬ МОТИВЫ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА И ПРИНЯТЬ МЕРЫ К ПРИМИРЕНИЮ СУПРУГОВ, ДЛЯ ЧЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЫЗВАНЫ ОБА РАЗВОДЯЩИЕСЯ СУПРУГА И В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ — СВИДЕТЕЛИ

(ст. 25 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.)

Определение по делу № 361744 по иску Духненко А. С. к Духненко Н. К. о расторжении брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 18 августа 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда Бородинского района от 17 ноября 1950 г. и определение Киевского областного суда от 18 апреля 1951 г. по иску Духненко А. С. к Духненко Н. К. о расторжении брака.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Духненко А. С., проживающая в Чкаловской области, обратилась в суд с иском о расторжении брака с Духненко Н. К., проживающим в Киевской области. Народный суд Бородинского района, Киевской области, определением от 17 ноября 1950 г. производство по делу закончил за непримирением сторон.

Определением от 18 апреля 1951 г. Киевский областной суд дело о расторжении брака направил в Чкаловский областной суд для рассмотрения по месту жительства истицы.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения

народного суда и определения областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Личное участие обоих супругов в судебном заседании является основным условием успешного выполнения задач по примирению сторон, возложенных на суд по делам о расторжении брака.

Народный суд Бородинского района рассмотрел дело в отсутствие истицы и вынес определение об окончании производства по делу за непримирением сторон.

Рассматривая дело в отсутствие истицы, суд нарушил ст. 25 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., в силу которой народный суд обязан установить мотивы подачи заявления о расторжении брака и принять меры к примирению супругов, для чего обязательно должны быть вызваны оба разводящиеся супруга.

Согласно п. 10 Инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г. «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака» при неявке одной из сторон в судебное заседание

суд, в соответствии со ст. 99 ГК РСФСР и соответствующими статьями гражданских процессуальных кодексов других союзных республик, должен отложить разбирательство дела. В случае неявки по вторичному вызову без уважительных причин супруга, подавшего заявление о разводе, суд выносит определение о прекращении дела производством.

При несоблюдении народным судом порядка рассмотрения дел о расторжении брака Киевский областной суд обязан был в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 16 сентября 1949 г. «О судебной практике по делам о расторжении брака» отменить определение народного суда, прекратить принятое к своему производству дело о расторжении брака и возратить дело в народный суд для выполнения требований, предусмотренных законом.

Однако областной суд не отменил определения народного суда и направил дело на рассмотрение в Чкаловский областной суд, нарушив тем самым установленные законом правила подсудности дел о расторжении брака.

Подсудность дел о расторжении брака определяется пп. 2 и 16 Инструкции НКЮ СССР от 27 ноября 1944 г., согласно которым дела о расторжении брака рассматриваются по месту жительства супругов, если они проживают совместно, и по месту жительства супруга-ответчика, если они проживают раздель-

но. Если при супруге, подавшем заявление о разводе, находятся несовершеннолетние дети и выезд к месту жительства ответчика представляется для него затруднительным, суд может по просьбе заявителя рассмотреть дело по его месту жительства. По просьбе ответчика при наличии уважительных причин народный суд может передать дело на рассмотрение народного суда по месту жительства супруга, подавшего заявление о разводе, а по желанию обоих супругов дело может рассматриваться по месту жительства любого из них.

Дела о расторжении брака, по которым в народном суде не было достигнуто примирения супругов, рассматриваются по заявлению супруга в вышестоящем суде по отношению к народному суду, предварительно рассматривающему дело.

По данному делу ни истица, ни ответчик не просили суд о передаче дела на рассмотрение по месту жительства истицы, и дело было правильно принято к производству народного суда по месту жительства ответчика.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определения, вынесенные по делу народным судом и Киевским областным судом, и дело передать на новое рассмотрение в народный суд Бородянского района, Киевской области, по месту жительства ответчика.

4. ДЕЛА ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ФАКТОВ, ОТ КОТОРЫХ ЗАВИСИТ ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ ПРЕКРАЩЕНИЕ ЛИЧНЫХ ИЛИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, РАССМАТРИВАЮТСЯ НАРОДНЫМ СУДОМ ПО ЗАЯВЛЕНИЮ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА ЭТИХ ЛИЦ

Определение по делу № 361347 по иску Арсентьевой об установлении факта регистрации брака с Арсентьевым

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 11 апреля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Верховного суда Белорусской ССР от 17 октября 1950 г. по заявлению

Арсентьевой А. Д. об установлении факта регистрации брака с Арсентьевым А. В.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР находит:

Арсентьева обратилась в народ-

ный суд 2-го участка Кагановичского района г. Минска с заявлением об установлении факта регистрации в 1937 году ее брака с Арсентьевым.

Арсентьева указала, что свидетельство о регистрации брака ею утрачено в связи с обстоятельствами военного времени, а получить из органов загса копию свидетельства она не может ввиду того, что архивы загса во время войны утрачены.

Народный суд 2-го участка Кагановичского района г. Минска вынес определение о передаче дела на рассмотрение в народный суд Издешковского района, Смоленской области, по месту жительства Арсентьева.

По протесту Председателя Верховного суда Белорусской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Белорусской ССР отменила определение народного суда и производство по делу прекратила, находя, что «установление юридических брачных отношений с лицом, находящимся в живых, в судебном порядке не установлено».

По протесту Генерального Прокурора СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР 12 августа 1950 г. определение Верховного суда Белорусской ССР отменила и дело направила в Верховный суд Белорусской ССР.

Верховный суд Белорусской ССР 17 октября 1950 г. вынес определение о направлении дела в народный суд Издешковского района.

Протест принесен на предмет отмены определения Верховного суда Белорусской ССР от 17 октября 1950 г. в части направления дела в народный суд Издешковского района, Смоленской области.

Обсудив протест, Коллегия считает, что определение Верховного суда Белорусской ССР о направлении дела для рассмотрения в судебные органы Смоленской области является неправильным.

Согласно указаниям Пленума Верховного суда СССР от 29 июня 1945 г. № 9/8/у дела об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан, рассматриваются народным судом по заявлению заинтересованных лиц по месту жительства этих лиц. Таким образом, заявление Арсентьевой об установлении факта регистрации в 1937 году ее брака с Арсентьевым в органах загса подлежит рассмотрению в народном суде по ее месту жительства.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение Верховного суда Белорусской ССР от 17 октября 1950 г. в части передачи дела на рассмотрение в народный суд Издешковского района, Смоленской области, отменить. Дело для рассмотрения по существу передать в народный суд 2-го участка Кагановичского района г. Минска.

5. ИСКИ О ПРИЗНАНИИ НЕПРАВИЛЬНЫМИ ЗАПИСЕЙ ОТЦОВСТВА ОРГАНАМИ ЗАГСА МОГУТ БЫТЬ ПРЕДЪЯВЛЕНЫ В ТЕЧЕНИЕ ОБЩЕГО СРОКА ИСКОВОЙ СТАВНОСТИ, ИСЧИСЛЯЕМОЙ С ТОГО МОМЕНТА, КОГДА ИСТЦУ СТАЛО ИЗВЕСТНО О РЕГИСТРАЦИИ РЕБЕНКА НА ЕГО ИМЯ

Определение по делу № 36/1998 по иску Десницкой к Десницкому о взыскании алиментов

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 21 ноября 1951 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда Бронницкого района Московской области от 17 сентября 1949 г.,

на определение Московского областного суда от 5 ноября 1949 г. и на определение Верховного суда РСФСР от 23 марта 1951 г. по иску Десницкой к Десницкому о взыскании алиментов на ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Десницкая обратилась в суд с иском к своему мужу Десницкому о взыскании алиментов на ребенка, родившегося 21 июля 1947 г. В исковом заявлении было указано, что стороны имеют также ребенка 1937 года рождения, на содержание которого с ответчика взыскивались алименты по ранее состоявшемуся судебному решению.

Рассмотрев дело, народный суд Бронницкого района, Московской области, решением от 17 сентября 1949 г. постановил взыскивать с Десницкого в пользу Десницкой на содержание двоих детей ежемесячно по $\frac{1}{3}$ части заработной платы, считая ранее вынесенное решение о взыскании алиментов на ребенка 1937 года рождения утратившим силу.

Определением Московского областного суда от 5 ноября 1949 г. указанное решение народного суда оставлено в силе.

Считая, что дело разрешено неправильно, прокурор РСФСР принес протест на решение народного суда и на определение Московского областного суда. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного суда РСФСР 22 марта 1951 г. протест прокурора РСФСР был отклонен.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

Ответчик категорически отрицает свое отцовство, утверждая, что в период, относящийся к зачатию ребенка, рождения 21 июля 1947 г., он с истицей не проживал и проживать

не мог, так как находился в отдаленной местности, откуда выехал только в конце ноября 1946 года, а к месту жительства истицы прибыл только в декабре того же года.

Эти утверждения ответчика подтверждаются имеющимися в деле доказательствами, которые суду следовало проверить в связи с рассмотрением предъявленного Десницкой иска.

Указание суда на то, что Десницкий мог оспаривать запись его отцом ребенка лишь в течение года со дня совершения записи, не вытекает из действующего закона и противоречит п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 4 августа 1950 г. «О судебной практике по делам о взыскании средств на содержание детей», в силу которого иски о признании неправильной записи отцовства органами загса могут быть предъявлены в суде в пределах общего срока исковой давности, установленной гражданскими кодексами союзных республик и исчисляемой с того момента, когда истцу стало известно о регистрации ребенка на его имя.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда Бронницкого района, Московской области, от 17 сентября 1949 г., определение Московского областного суда от 5 ноября 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 23 марта 1951 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд.

Взыскания алиментов с Десницкого до разрешения дела по существу не производить.

6. РАЗРЕШЕНИЕ СПОРА О ВЗЫСКАНИИ КВАРТИРНОЙ ПЛАТЫ БЕЗ УЧЕТА ТРЕБОВАНИЙ ст. 159 ГК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Определение № 36/810 по иску Нариманидзе к Курашеву о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 13 сентяб-

ря 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Ленин-

ского района г. Тбилиси от 20 апреля 1951 г. и на определение Верховного суда Грузинской ССР от 16 мая 1951 г. по иску Нариманидзе к Курашеву о выселении из комнаты.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Нариманидзе предъявила в суде иск к Курашеву о выселении из комнаты, занимаемой им с семьей в доме, принадлежащем истце на праве личной собственности.

В исковом заявлении истица указала, что Курашев не платит квартирной платы за пользование жилой площадью.

Народный суд 2-го участка Ленинского района г. Тбилиси иск Нариманидзе удовлетворил и постановил выселить Курашева со всей семьей из занимаемой им комнаты.

Определением от 16 мая 1951 г. Верховный суд Грузинской ССР решение народного суда оставил в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

В нарушение ст. ст. 6 и 126 ГПК Грузинской ССР суд не проверил взаимоотношений сторон и вынес решение по неисследованным материалам дела. Из материалов дела видно, что истица Нариманидзе предъявила иск о выселении Курашева в связи с тем, что он не платит квартирной платы за пользование жилой площадью.

Ответчик Курашев в судебном заседании объяснил, что он по домашнему соглашению купил у Нариманидзе разрушенную кухню, уплатил за нее 600 руб., произвел за свои личные средства ремонт и превратил разрушенное помещение в жилую комнату. Согласно договоренности с истицей ответчик считал спорную комнату своей собственностью, и Нариманидзе не требовала с него квартирной платы, а лишь спустя год после проживания Курашева в комнате, воспользовавшись отсутствием у него письменного договора купли-продажи дома, предъявила иск о выселении.

Заявление ответчика Курашева о восстановлении разрушенной кухни в жилое помещение подтверждается справкой организации, отпустившей для этого Курашеву стройматериалы, плотником Андриясовым, который непосредственно производил работы по восстановлению комнаты, и другими свидетелями.

Если суд пришел к выводу, что Курашев не доказал права собственности на занимаемое помещение, то при наличии того факта, что Курашев затратил личные средства на восстановление разрушенной кухни и превратил ее в жилое помещение, выселять его по мотивам неуплаты квартирной платы оснований не было.

Суд не выяснил, имелась ли у Курашева задолженность по квартирной плате, так как все затраченные им средства на восстановление комнаты должны быть зачислены в счет квартирной платы. Суд не учел и того, что Курашев является инвалидом Отечественной войны, имеет на иждивении беременную жену и двоих малолетних детей.

При новом рассмотрении дела суду необходимо проверить, в каком порядке ответчик Курашев вселился на спорную площадь, по чьей вине не было оформлено соглашение между истицей и ответчиком о продаже кухни, выяснить затраты, произведенные Курашевым на восстановление и ремонт помещения, зачесть их в счет квартирной платы; определить, какую квартирную плату должен вносить ответчик, исходя из его заработной платы, и в соответствии с добытыми данными разрешить спор между сторонами.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить все состоявшиеся по делу судебные решения и дело направить для нового рассмотрения в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции.

**7. САМ ПО СЕБЕ ФАКТ ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА СТРОЕНИЕ
ПО НАСЛЕДСТВУ НЕ СОЗДАЕТ ДЛЯ НОВОГО СОБСТВЕННИКА ПРАВА
НА ВЫСЕЛЕНИЕ ЛИЦ, ПРОЖИВАЮЩИХ В ДОМЕ
ДО ОТКРЫТИЯ НАСЛЕДСТВА**

*Определение по делу № 36/647 по иску Масловой
к Пакушиной о выселении и взыскании квартплаты*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 25 июля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Московского областного суда от 30 сентября 1950 г. и на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1950 г. по иску Масловой к Пакушиной о выселении и о взыскании квартирной платы.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В апреле 1946 года умер гр-н Пакушин, и через несколько дней после его смерти в дом, принадлежавший ему по праву личной собственности, вселилась племянница Пакушина — Пакушина Е. Н.

Пакушина Е. Н. обратилась в народный суд с заявлением о признании факта нахождения ее на иждивении дяди Пакушина. Народный суд 2-го участка г. Загорска определением от 1 августа 1946 г. ходатайство Пакушиной удовлетворил, признав ее иждивенкой умершего Пакушина.

На основании этого определения народного суда нотариус выдал свидетельство о праве наследования, согласно которому половина дома с пристройками, принадлежавшая умершему Пакушину, перешла наследникам: жене — Пакушиной А. А. и племяннице — Пакушиной Е. Н.

Впоследствии определение народного суда от 1 августа 1946 года об установлении факта нахождения Пакушиной на иждивении дяди было отменено в порядке надзора и дело передано на новое рассмотрение. Московским областным судом 9 апреля 1949 г. в просьбе Пакушиной Е. Н. отказано.

В 1947 году жена Пакушина умерла. После ее смерти наследни-

ком всего имущества явилась ее мать Маслова.

В 1949 году Маслова, ссылаясь на определение Московского областного суда от 9 апреля 1949 г., которым отказано Пакушиной Е. Н. в признании ее иждивенкой Пакушина, предъявила иск о признании недействительным свидетельства, выданного нотариусом 22 октября 1946 г. о праве наследования, и о выселении Пакушиной Е. Н. из наследственного дома.

Народный суд 2-го участка г. Загорска 15 марта 1950 г. признал свидетельство о праве наследования в отношении Пакушиной Е. Н. недействительным, а в части выселения Пакушиной Е. Н. из дома дело приостановил производством до оформления Масловой права наследования.

25 марта 1950 г. Московский областной суд определение народного суда 2-го участка г. Загорска от 15 марта 1950 г. в части признания недействительным свидетельства о праве наследования оставил в силе, а в части приостановления производства по делу о выселении отменил и передал дело на новое рассмотрение.

13 июля 1950 г. народный суд 1-го участка г. Загорска отказал в иске Масловой о выселении Пакушиной и взыскал с Пакушиной квартплату за проживание в доме.

Это решение было отменено Московским областным судом, принявшим дело к своему рассмотрению по первой инстанции.

30 сентября 1950 г. Московский областной суд решил Пакушину выселить из дома, а в части взыскания квартирной платы в иске Масловой отказал.

Решение Московского областного суда оставлено в силе определением

Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Московского областного суда от 30 сентября 1950 г. и определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1950 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что дом, принадлежащий Масловой по праву наследования, находится в Загорске.

Маслова проживает в Иваново, имеет там жилую площадь и занимать дом в Загорске для личного проживания не намерена. Пакушина в доме живет с 1946 года, другой площади не имеет, является инвалидом II группы.

При таком положении, когда владелец дома не нуждается в жилой площади, выселение Пакушиной из дома не вызывается необходимостью.

Поскольку Маслова является владельцем дома по праву наследования, ее взаимоотношения с Пакушиной должны определяться как отношения наймодателя с нанимателем жилой площади.

8. ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА УТРАЧЕННЫЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕННЫЕ ГРУЗЫ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ ОРГАНИЗАЦИЯМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЕКТОРА И ПРОВОЗИВШИЕСЯ НА СУДАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МОРЕХОДНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СССР ИЛИ НА СУДАХ, ЗАКРЕПЛЕННЫХ ЗА МОРСКИМИ ТОРГОВЫМИ ПОРТАМИ, ИСЧИСЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ПРИМЕЧАНИЯ К ст. 117 КОДЕКСА ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ СССР

Определение по иску Всесоюзного объединения «Экспортхлеб» к Эстонскому госморпароходству о взыскании 840 955 р. 50 к.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 14 июля 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате от 17 февраля 1951 г. по иску В/О «Экспортхлеб» к Эстонскому госморпароходству о взыскании 840 955 р. 50 к.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Маслова в силу ст. ст. 152 и 166 ГК РСФСР имеет право на получение с Пакушиной квартирной платы в установленном законом размере.

Народный суд 1-го участка г. Загорска в решении от 13 июля 1950 г. правильно определил отношения сторон. Однако народный суд, присуждая Масловой с Пакушиной квартирную плату в сумме 630 руб., не учел, что Пакушина в течение ряда лет осуществляла наблюдение за домом, производила ремонт, платила налоги. Затраченные на это ответчицей Пакушиной средства подлежат возмещению ей и должны быть зачтены в счет квартирной платы.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 1-го участка г. Загорска от 13 июля 1950 г. в части отказа Масловой в иске о выселении Пакушиной оставить в силе; в части взыскания квартирной платы решение отменить и в этой части дело передать на новое рассмотрение в тот же суд.

Все последующие судебные решения и определения, вынесенные по данному делу, отменить.

В/О «Экспортхлеб» предъявило иск к Эстонскому государственному морскому пароходству о взыскании 840 955 р. 50 к. за недостачу груза, принятого пароходством к перевозке в порт Ленинград.

Морская арбитражная комиссия при Всесоюзной торговой палате, рассмотрев это дело, признала Эстонское государственное морское пароходство ответственным за недостачу 14 068,62 кг груза и обязала пароходство уплатить В/О «Экспорт-

хлеб» 140 000 руб. с начислением на эту сумму 6% годовых с 31 октября 1950 г. по день уплаты.

Председатель Верховного суда СССР в протесте ссылается на то, что при разрешении дела Морская арбитражная комиссия неправильно определила размер вознаграждения, подлежащего возмещению, поэтому просит решение Морской арбитражной комиссии отменить и дело возвратить на новое рассмотрение.

Протест подлежит удовлетворению, а дело пересмотру по следующим основаниям:

Как видно из материалов дела, недостача груза произошла по вине перевозчика, поэтому Морская арбитражная комиссия в соответствии со ст. 116 Кодекса торгового мореплавания СССР правильно признала пароходство ответственным за недостачу груза. Однако при определении размера вознаграждения, подлежащего взысканию, Морская арбитражная комиссия допустила ошибку. Морская арбитражная комиссия при разрешении дела в этой части исходила из того, что перевозчик в силу ст. 117 Кодекса торгового мореплавания СССР должен возместить истцу действительную стоимость недостающего груза. Поскольку по этой перевозке стоимость груза не была объявлена в коносаменте, Морская арбитражная комиссия, сославшись на ст. 118 Кодекса торгового мореплавания СССР, обязала пароходство уплатить истцу по 1000 руб. за недостающее место (за 140 мест 140 000 руб.). Между тем применение в данном случае ст. 118 Кодекса торгового мореплавания является неправильным. Статья 118 Кодекса торгового мореплавания действительно ограничивает ответственность перевозчика за утрату или повреждение груза до 1000 руб. за место в случаях, когда стоимость груза не была объявлена и включена в коносамент. Однако эта норма не может быть применена к отношениям между государственными морскими пароходствами СССР и организациями

социалистического сектора, так как ответственность пароходства за утрату и повреждение грузов, принадлежащих этим организациям, установлена специальным постановлением, включенным в Кодекс торгового мореплавания в виде примечания к ст. 117 Кодекса.

В силу примечания к ст. 117 Кодекса торгового мореплавания СССР в редакции, принятой постановлением ЦИК и СНК СССР № 74/1697 от 1 августа 1933 г.¹, вознаграждение за утраченные или поврежденные грузы, принадлежащие организациям социалистического сектора и провозившиеся на судах государственных мореходных предприятий Союза ССР или на судах, непосредственно закрепленных за морскими торговыми портами, исчисляется, исходя из оптовой отпускной цены данного товара (включая в нее бюджетную наценку, специальную наценку на товары коммерческого фонда и провозную плату, внесенную грузоотправителем), с прибавлением по товарам ширпотреба действительных накладных расходов получателя в размере не свыше 15% оптовой отпускной цены данного товара.

При новом рассмотрении дела Морской арбитражной комиссии следует разрешить спор между сторонами в соответствии с примечанием к ст. 117 Кодекса торгового мореплавания СССР.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 10 Положения о Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 декабря 1930 г.², определила:

Решение Морской арбитражной комиссии от 17 февраля 1951 г. отменить, дело возвратить Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате на новое рассмотрение.

¹ СЗ СССР 1933 г. № 53, ст. 310.

² СЗ СССР 1930 г. № 60, ст. 637.

**9. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТВЕТЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ИСКУ
МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ НА ОСНОВАНИИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ,
А НЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВЫНЕСЕННОГО СУДОМ БЕЗ
РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ**

*Определение по делу № 36/1955 по иску орс
к конторе «Главрыбсбыта» о взыскании 869 р. 04 к.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 10 ноября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение народного суда 1-го участка Калининского района г. Сталино от 4 ноября 1950 г. и решение народного суда 1-го участка Кировского района, Астраханской области, от 22 ноября 1950 г. по иску орс треста «Красноармейскуголь» к Сталинской конторе «Главрыбсбыта» о взыскании 869 р. 04 к.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Орс треста «Красноармейскуголь» предъявил в суде иск к Сталинской конторе «Главрыбсбыта» и к соответчику Астраханской конторе «Главрыбсбыта» о взыскании 869 р. 04 к., ссылаясь на то, что на основании договора, заключенного между орсом треста «Красноармейскуголь» и Сталинской конторой «Главрыбсбыта» в адрес орс Астраханской конторой «Главрыбсбыта» был отправлен вагон с рыбой; груз прибыл с сохранными пломбами отправителя. При получении груза была установлена весовая недостача и пересортица товаров всего на сумму 769 р. 04 к.

Поскольку орсом был оплачен счет Сталинской конторы «Главрыбсбыта», к ней и был предъявлен иск о взыскании 869 р. 04 к. В качестве соответчика к делу была привлечена Астраханская контора «Главрыбсбыта», непосредственно отправлявшая вагон с рыбой.

Народный суд 1-го участка Калининского района г. Сталино 4 ноября 1950 г., не разрешая дело по существу спора, вынес определение об освобождении Сталинской конторы «Главрыбсбыта» от ответственности по иску и о передаче дела на рассмотрение в суд по месту нахождения

Астраханской конторы «Главрыбсбыта».

Народный суд 1-го участка Кировского района, Астраханской области, установив, что истец с Астраханской конторой «Главрыбсбыта» в договорных отношениях не состоял и ей за полученный товар не платил, 22 ноября 1950 г. вынес решение об отказе в иске о взыскании 869 р. 04 к. с Астраханской конторы «Главрыбсбыта».

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения народного суда 1-го участка Калининского района г. Сталино и решения народного суда 1-го участка Кировского района, Астраханской области, подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Народный суд 1-го участка Калининского района г. Сталино без достаточных к тому оснований освободил Сталинскую контору «Главрыбсбыта» от ответственности, хотя с ней производились расчеты за отправленный груз и она состояла в договорных отношениях с истцом.

Кроме того, если суд пришел к выводу, что ответственность должна быть возложена на Астраханскую контору «Главрыбсбыта», то поскольку она была привлечена к делу в качестве соответчика и о дне слушания дела была извещена, суд должен был разрешить в отношении ее дело по существу.

Определение, вынесенное народным судом об освобождении Сталинской конторы от ответственности по иску и о направлении дела на рассмотрение по месту нахождения Астраханской конторы, лишило возможности народный суд 1-го участка Кировского района, Астраханской области, выяснить все обстоятельства по делу и определить при разрешении дела, кто является надлежащим ответчиком.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить определение народного суда 1-го участка Калининского района г. Сталино от 4 ноября

1950 г. и решение народного суда 1-го участка Кировского района Астраханской области от 22 ноября 1950 г. и дело передать на новое рассмотрение в народный суд 1-го участка Калининского района г. Сталино в ином составе судей.

**10. НЕПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИСТЦОМ КОММЕРЧЕСКОГО АКТА
ОБ УТРАТЕ БАГАЖА НЕ МОЖЕТ ЯВИТЬСЯ ОСНОВАНИЕМ
К ОТКАЗУ В ИСКЕ ПРИ НАЛИЧИИ В ДЕЛЕ ДРУГИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ПОДТВЕРЖДАЮЩИХ ИСК**

*Определение № 361888 по иску Митрохина к железной дороге
о взыскании ущерба за утрату багажа*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 8 октября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Промышленного района г. Дзауджикау по иску Митрохина к железной дороге о взыскании ущерба.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

По железнодорожной накладной Митрохин отправил восемь мест багажа. При проверке прибывшего на станцию назначения багажа в присутствии начальника районного отделения Министерства внутренних дел, депутата сельсовета и двух понятых было установлено, что в одном из мест багажа вместо отправленных Митрохиным вещей находились камни и куски железа. Об этом названными выше лицами был составлен акт в день получения груза — 6 марта 1947 г.

Заявленная Митрохиным к Управлению железной дороги претензия о возмещении стоимости утраченных вещей была оставлена без удовлетворения.

В сентябре 1947 года Митрохин предъявил иск в суде о взыскании с Управления железной дороги стоимости утраченных вещей.

Народный суд 2-го участка Промышленного района г. Дзауджикау 20 ноября 1947 г. постановил взыскать с Управления железной дороги в пользу Митрохина 43 301 р. 60 к. согласно оценке вещей по справке Горторготдела. Эта сумма была Ми-

трохину выплачена по исполнительному листу в 1948 году.

8 декабря 1949 г. народный суд 2-го участка Промышленного района г. Дзауджикау без вызова сторон вынес определение о восстановлении кассационного срока прокурору для принесения кассационного протеста.

Рассмотрев протест Прокурора, Верховный суд Северо-Осетинской АССР 27 декабря 1949 г. решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд 16 февраля 1950 г. в иске Митрохину отказал и в порядке поворота исполнения решения постановил взыскать с Митрохина в пользу Управления железной дороги 43 301 р. 60 к.

Верховный суд Северо-Осетинской АССР определением от 31 января 1950 г. решение суда оставил в силе.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 13 ноября 1950 г. отклонила протест Председателя Верховного суда РСФСР о пересмотре дела.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия считает, что все состоявшиеся по делу решения и определения подлежат отмене по следующим основаниям:

Отказывая Митрохину в иске, суд сослался на то, что не было составлено коммерческого акта об утрате вещей, отправленных Митрохиным багажом по железной дороге. С этими доводами согласился и

Верховный суд РСФСР, отклоняя протест о пересмотре дела.

Доводы эти нельзя признать правильными.

Составляемые дорогой акты в удостоверение материальной ответственности железной дороги являются одним из доказательств, представляемых в подтверждение требований о возмещении за недостачу и повреждение груза.

Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 марта 1950 г. № 5/6/п отсутствие этого документа может быть учтено при разрешении спора по существу, но непредставление его не может служить основанием к отказу в рассмотрении претензии и иска.

Истец представил в обоснование своего иска акт, составленный в день получения багажа, и в подтверждение факта замены вещей сослался на должностных лиц, участвовавших в составлении этого акта.

Однако суд необоснованно лишил

истца возможности вызвать в суд в качестве свидетелей лиц, подписавших этот акт, отклонив его ходатайство по этому вопросу.

Вместе с этим нельзя признать правильным и решение народного суда, согласно которому было постановлено взыскать в пользу Митрохина 43 301 р. 60 к.

Как видно из акта от 6 марта 1947 г., при вскрытии багажа не оказалось лишь 12 предметов, которые значились отправленными багажом согласно описи вещей. Между тем, суд помимо стоимости этих 12 предметов взыскал с ответчика стоимость ряда других вещей, отправка и утрата которых не доказана истцом.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся по делу решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Северо-Осетинской АССР по первой инстанции с участием прокурора.

II. НЕПРАВИЛЬНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ИСКА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА

Определение по делу № 361817 по иску Гигаури к заводу имени Орджоникидзе о возмещении вреда

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 сентября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда Грузинской ССР от 23 ноября 1950 г. по иску Гигаури к заводу имени Орджоникидзе о взыскании возмещения за вред, причиненный увечьем.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Решением Верховного суда Грузинской ССР от 23 ноября 1950 г. постановлено взыскать с завода имени Орджоникидзе в пользу Гигаури разницу между средним заработком истца и получаемой им пенсией.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене указанного

решения подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Статьей 413 ГК Грузинской ССР предусмотрено, что предприятие, вносящее страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования, не обязано возмещать вред, причиненный страховым случаем. Ответственность страхователя перед органами социального страхования и потерпевшим в случае, если последний в порядке социального страхования не получает полного возмещения вреда, наступает при наличии определенных условий: если вред причинен преступным действием или бездействием страхователя.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по искам из причинения

вреда» от 10 июня 1943 г. указано, что под преступным действием или бездействием страхователя понимается установленное компетентными органами несоблюдение страхователем действующих правил по охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда, имевшее своим последствием несчастный случай с потерпевшим.

Как видно из материалов дела, Гигаури, рабочий завода, получил увечье при следующих обстоятельствах. В цех, где работал Гигаури, пришел рабочий из другого цеха и собирался изготовить ручку для молотка на станке, за которым работал истец. Гигаури, не разрешив этого, сам начал делать на станке указанную работу и получил увечье: станком ему отрезало три пальца правой руки.

Ответчик по делу является страхователем Гигаури, а потому суду и надлежало установить, в чем конкретно выражались преступные действия или бездействие администрации в том смысле, как это указано постановлением Пленума Верховного суда СССР.

Из материалов дела видно, что обстоятельства, при которых произошел несчастный случай, судом исследованы с достаточной полнотой, но суд оценил имеющиеся по делу доказательства без учета требований закона, а потому судебное решение является неправильным.

Суд установил, что Гигаури не должен был допускать рабочего из другого цеха к своему станку, что он также не имел права выполнять на своем станке работу этого рабочего и что действия Гигаури тем бо-

лее неправильны ввиду того, что его станок для выполнения такой работы не был приспособлен.

Вина администрации, по мнению суда, заключалась в том, что ею не были проведены соответствующие мероприятия по избежанию подобных случаев. По утверждению суда, несчастный случай не произошел бы, если бы в цехе в это время был мастер или начальник цеха.

Указанные судом выводы находятся в противоречии с требованиями ст. 413 ГК Грузинской ССР и постановлением Пленума Верховного суда СССР от 13 июня 1943 г., а потому решение Верховного суда Грузинской ССР не может быть признано правильным и оставлено в силе.

В материалах дела имеются достаточные доказательства того, что Гигаури, квалифицированный кадровый рабочий завода, работающий бригадиром рабочих, получил увечье в результате допущенных им грубейших нарушений элементарных правил по эксплуатации вверенного ему станка, а потому он и не имеет права на получение с завода дополнительного вознаграждения к пенсии, получаемой им от органов социального страхования.

В силу изложенного и принимая во внимание, что дело не нуждается в том, чтобы передавать его на новое рассмотрение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Грузинской ССР от 23 ноября 1950 г. отменить и в иске Гигаури отказать. Поворота исполненного решения не производить.

12. НЕПРАВИЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА ДЕЛА НА РАССМОТРЕНИЕ В ДРУГОЙ НАРОДНЫЙ СУД

*Определение по делу № 361909 по иску Киргизской конторы
Госбанка СССР к Зуевой и другим о взыскании 43 000 руб.*

[Извлечение]

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 31 октября 1951 г. протест Председателя

Верховного суда СССР на определение народного суда 3-го участка Свердловского района г. Фрунзе от 26 января 1951 г. по иску Киргиз-

ской конторы Госбанка к Зуевой и другим о взыскании 43 000 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам установила:

Киргизская республиканская контора Государственного банка предъявила к Зуевой и Бочкаревой иск о возмещении причиненного ущерба в сумме 43 000 руб.

Народный суд 2-го участка Первомайского района г. Фрунзе, рассмотрев это дело 10 июня 1950 г., в иске конторе Госбанка отказал.

По жалобе истца Фрунзенский областной суд определением от 12 июля 1950 г. решение народного суда в отношении отказа в иске к Бочкаревой оставил в силе, а в части освобождения от ответственности Зуевой решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение с предложением привлечь в качестве ответчиков других лиц, в том числе и Глущенко.

Установив, что Глущенко проживает в г. Таллине Эстонской ССР, народный суд 3-го участка Свердловского района г. Фрунзе определением от 26 января 1951 г. направил дело для рассмотрения по существу в народный суд по месту жительства Глущенко.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене определения народного суда от 26 января 1951 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Согласно ст. 33-а ГПК РСФСР дело, принятое каким-либо судом к своему производству с соблюдением правил о подсудности, должно быть

разрешено по существу этим же судом во всех случаях, за исключением случаев, предусмотренных ст. 103 ГПК РСФСР.

На основании ст. 103 ГПК РСФСР суд может постановить перенести дело в другое учреждение в следующих случаях: а) если суд признает, что данный иск по обстоятельствам дела может быть с большим удобством разрешен по месту производства главнейших поверочных действий или вообще в другом суде, а не в суде, избранном истцом; б) если ходатайство ответчика, местожительство которого не было известно, о переносе дела по месту его действительного проживания будет признано заслуживающим удовлетворения; в) если по устранении народного судьи замена его в данном суде явится затруднительной; г) если суд признает, что дело подлежит ведению другого учреждения (Государственного арбитража и пр.).

По настоящему делу таких условий не имеется, и, наоборот, устанавливается, что дело с большим удобством может быть рассмотрено по месту нахождения истца, располагающего всей документацией, касающейся предъявленного иска.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Определение народного суда 3-го участка Свердловского района г. Фрунзе от 26 января 1951 г. отменить и дело передать на рассмотрение по существу в тот же суд.

13. В СИЛУ ЗАКОНА О СУДОУСТРОЙСТВЕ СССР, СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ПРОТЕСТЫ НА ВСТУПИВШИЕ В СИЛУ СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ МОГУТ БЫТЬ ПРИНЕСЕНЫ ЛИШЬ ГЕНЕРАЛЬНЫМ ПРОКУРОРОМ СССР, ПРОКУРОРОМ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР И ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Определение по делу № 361828 по иску Котельниковых о признании права собственности на дом

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 сентября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решения и определения суда по иску Котель-

никовых В. П. и Е. П. о признании права собственности на дом и по иску прокурора о расторжении договора купли-продажи части дома, заключенного между Котельниковыми и Висловыми.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Котельниковы Борис Петрович и Евгений Петрович обратились в народный суд с иском о признании за ними права собственности на дом в г. Фергане как за наследниками имущества, оставшегося после смерти их отца — Котельникова П. И.

Решением народного суда 1-го участка г. Ферганы иск Котельниковых был удовлетворен.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР, которой дело рассматривалось по протесту прокурора, указанное решение было отменено и в иске Котельниковым отказано.

Не зная о пересмотре дела в порядке надзора и об отмене судебного решения, Котельниковы продали третью часть спорного дома Висловым, оформив договор купли-продажи дома в нотариальном порядке.

В 1950 году прокурор Ферганской области обратился в суд с иском о признании недействительным договора о продаже дома Висловым.

Решением народного суда 3-го участка г. Ферганы от 24 октября 1950 г. постановлено договор купли-продажи части дома, заключенный между Котельниковыми и Висловыми, признать недействительным, обязать Котельниковых вернуть Висловым 20 000 руб.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Ферганского областного суда от 12 декабря 1950 г. решение народного суда оставлено в силе.

Председатель Верховного суда СССР просит все решения судебных органов, вынесенные по обоим делам, отменить, дела объединить в одно производство и рассмотреть его вновь по следующим основаниям:

В силу ст. 16 Закона о судебном устройстве СССР, союзных и автономных республик право опротестования судебных решений, вступивших в законную силу, принадлежит только Генеральному Прокурору

СССР, прокурору союзной республики, Председателю Верховного суда СССР и председателю верховного суда союзной республики. Между тем Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР приняла к своему производству и рассмотрела дело по протесту, принесенному начальником гражданско-судебного отдела Ташкентской городской прокуратуры.

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР неправильно и по существу.

Обстоятельства по делу судом не выяснены с достаточной полнотой. Как видно из дела, спорное наследство открылось в 1926 году. Судом не выяснено, приняли ли это наследство Котельниковы. Котельниковы утверждают, что ко времени смерти отца они проживали в принадлежащем наследодателю доме.

Суду необходимо было проверить это обстоятельство, так как если Котельниковы фактически приняли наследство, то оформление права наследования сроком не ограничено, а потому у Верховного суда Узбекской ССР не было оснований отказывать Котельниковым в иске по мотивам пропуска ими срока на принятие наследства.

Судебные решения по делу о расторжении договора купли-продажи части дома, заключенного между Котельниковыми и Висловыми, подлежат отмене, поскольку они зависят от разрешения первого дела.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все решения и определения по вышеназванным делам отменить и передать их на новое рассмотрение, предложив Верховному суду Узбекской ССР объединить дела в одно производство и рассмотреть по первой инстанции с участием прокурора.

14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ВИДОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПОДЛЕЖИТ СУДЕБНОЙ ОЦЕНКЕ НАРЯДУ С ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМИ ПО ДЕЛУ

Определение по делу № 36/765 по иску Румянцевой А. П. к Румянцеву С. П. о взыскании алиментов и по иску Румянцева С. П. о признании недействительной записи о регистрации брака

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 25 августа 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Боровичского района от 25 июня 1949 г., решение того же народного суда от 1 ноября 1949 г., определение Новгородского областного суда от 17 ноября 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 18 мая 1950 г. по иску Румянцевой А. П. к Румянцеву С. П. о взыскании алиментов на ребенка и по иску Румянцева С. П. о признании недействительной записи о регистрации брака и записи Румянцева отцом ребенка.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

В марте 1949 года Румянцева А. П. обратилась в суд с иском к Румянцеву С. П. о взыскании средств на содержание сына Юрия Румянцева, родившегося 29 ноября 1948 г.

Народный суд 2-го участка Боровичского района, Новгородской области, рассмотрев дело 25 июня 1949 г., вынес решение о взыскании с Румянцева С. П. в пользу Румянцевой А. П. алиментов на ребенка Юрия, начиная с 1 июня 1949 г.

Через 1/2 месяца, в августе 1949 года, Румянцев С. П. обратился в тот же суд с иском о признании недействительной записи о регистрации брака с Васильевой А. П. (Румянцевой), а также записи его отцом в свидетельстве о рождении ребенка Юрия.

Народный суд 2-го участка Боровичского района, Новгородской области, решением от 1 ноября 1949 г. признал записи о регистрации брака и о рождении ребенка недействительными.

Новгородским областным судом 17 ноября 1949 г. решение народного суда от 1 ноября 1949 г. оставлено в силе.

В связи с изложенным Верховный суд РСФСР определением от 18 мая 1950 г. отменил решение народного суда от 25 июня 1949 г. по иску Румянцевой о взыскании алиментов и это дело производством прекратил.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене всех решений и определений судебных органов по указанным выше делам подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Судебное решение о признании недействительной записи о регистрации брака Румянцевых основано лишь на заключении графической экспертизы о том, что подпись на заявлении о регистрации брака, поданном от имени Румянцева, учинена секретарем сельсовета Яковлевой.

Из дела видно, что для экспертизы было послано заявление о регистрации брака от имени вступающих в брак и, специально отобранные образцы подписей: Румянцева, Румянцевой и Яковлевой. Других документов, содержащих свободную подпись указанных выше лиц, эксперту представлено не было. Поэтому есть основания полагать, что материал, находящийся в распоряжении эксперта, был недостаточным для дачи заключения.

При рассмотрении дела по иску Румянцева суд неправильно ограничился оценкой только одного доказательства по делу в виде заключения графической экспертизы и не опросил указанную Румянцевой свидетельницу Соколову, которая

при рассмотрении дела о взыскании алиментов с Румянцева показала суду, что она присутствовала при регистрации брака и видела, когда Румянцев сам расписывался.

Кроме того, суд не потребовал для обозрения паспорта Румянцева, в котором, по заявлению Яковлевой, имеется штамп о регистрации брака с гражданкой Васильевой-Румянцевой.

При новом рассмотрении дела суду необходимо объединить оба дела в одно производство, расширить круг свидетелей, тщательно исследовать все обстоятельства по

делу и постановить решение на основании оценки всех доказательств, добытых по делу, в их совокупности.

По изложенным обстоятельствам Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Судебные решения и определения по указанным выше делам отменить, оба дела объединить в одно производство и передать на новое рассмотрение в Новгородский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

15. ВОПРОС О ВОССТАНОВЛЕНИИ СРОКА ДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЛИСТА ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРЕШЕН СУДОМ В ПОРЯДКЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ст. ст. 62—64 ГПК РСФСР И СООТВЕТСТВУЮЩИМИ СТАТЬЯМИ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОДЕКСОВ ДРУГИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК

Определение по делу № 36/963 по заявлению Омского управления «Главнефтебьта» о восстановлении срока действия исполнительного листа

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 10 ноября 1951 г. протест Председателя Верховного суда СССР на отказ Красноярского краевого суда от рассмотрения заявления Омского управления «Главнефтебьта» о восстановлении срока действия исполнительного листа.

Судебная коллегия по гражданским делам находит:

Омское областное управление «Главнефтебьта» обратилось в Красноярский краевой суд с заявлением, которым просило восстановить срок действия исполнительных листов на взыскание с Управления Красноярской железной дороги 33 215 руб. и 32 762 руб.

Красноярский краевой суд письмом от 25 сентября 1950 г. за подписью члена краевого суда возвратил заявление Управления «Главнефтебьта», сообщив, что вопрос о восстановлении действия исполнительных листов не может быть раз-

решен судом за отсутствием на то указаний в законе.

Частная жалоба Омского областного управления «Главнефтебьта» определением Верховного суда РСФСР от 4 ноября 1950 г. оставлена без удовлетворения.

Соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что отказ суда от рассмотрения заявления о восстановлении срока действия исполнительных листов является неправильным по следующим основаниям:

Согласно ст. 62 ГПК РСФСР стороне, пропустившей установленный законом или назначенный судом срок по причинам, признанным судом уважительными, пропущенный срок может быть восстановлен. Требование указанного закона не делает никаких исключений для сроков, установленных ст. 255¹ ГПК РСФСР, ввиду чего пропущенный срок предъявления к исполнению решений при наличии причин, свиде-

тельствующих об уважительности этого пропуска, может быть также судом восстановлен.

Омское управление «Главнефте-сбыта», обращаясь с заявлением о восстановлении срока действия исполнительных листов, указывало, что оно было лишено возможности своевременно предъявить ко взысканию исполнительные листы, ввиду получения их с опозданием по вине работников краевого суда.

Суд должен был проверить обоснованность заявлений истца в судебном заседании с вызовом сторон и в зависимости от выяснившихся обстоятельств, руководствуясь ст. 62

ГПК РСФСР, вынести соответствующее определение по существу возбужденного ходатайства.

По изложенным соображениям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отказ Красноярского краевого суда от рассмотрения указанного выше заявления и определение Верховного суда РСФСР от 4 ноября 1950 г. отменить и материал по заявленному Управлением «Главнеф-тесбыта» ходатайству направить в Красноярский краевой суд для рассмотрения в соответствии со ст. ст. 62—64 ГПК РСФСР.

СПбГТУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	1
Определения коллегий Верховного суда СССР по уголовным делам	7
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	28

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы,
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж-2-46-67.

А-00112 Сдано в произв. 5/1 1952 г. Подписано к печати 6/II 1952 г.
Уч.-изд. л. 4,20. Бумага $70 \times 108 \frac{1}{16} = 1,5$ бумажных — 4,11 печат. л.
Зак. 859 Тираж 35 070 экз. Цена 1 р. 50 к.

Технический редактор **Е. Н. Косарева**
Корректоры: **Л. И. Бунчукова** и **З. Я. Жигур**

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 1 р. 50 к.

таб 15-1
Райгородский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ“

Орган Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР
и Верховного суда СССР

на 1952 год

Цена одного номера — 3 руб.

Подписка принимается **ТОЛЬКО** с очередного
подписного месяца

Подписка принимается **ТОЛЬКО** в городских
и районных отделениях Союзпечати

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОДПИСКИ НЕ ПРИНИМАЕТ

L-1
4-1